ПРОТОІЕРЕЙ

А. А. САМБОРСКІЙ.

ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Священника Н. Стеллецкаго.

КІЕВЪ.
Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1896.

Изъ журнала „Труды Кіевской д. Академіи“ за 1896 г.

420
37

ПРОТОІЕРЕЙ А. А. САМБОРСКІЙ.

ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

По поводу столѣтія со дня кончины имп. Екатерины II.

(1796 $\frac{6}{\text{ноября}}$ 1896 г.).

Придворный протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, духовникъ и наставникъ по Закону Божію и англійскому языку великихъ князей Александра и Константина Павловичей, принадлежитъ къ числу выдающихся дѣятелей Екатерининскихъ временъ изъ лицъ бѣлаго духовенства. Человѣкъ строгой честности, большого ума, воспріимчивый и любознательный, о. Самборскій, въ бытность свою въ Англіи, на службѣ при нашей миссіи въ Лондонѣ, имѣлъ удобный случай усовершенствовать свое богословское образованіе. Кромѣ того, онъ основательно изучилъ англійскій языкъ и писалъ на немъ совершенно свободно. Въ свое время Самборскій считался однимъ изъ лучшихъ въ Россіи знатоковъ по части сельскаго хозяйства, памятникомъ чего служитъ сохранившееся его сочиненіе: „Описаніе практическаго аглинскаго земледѣлія, собранное изъ разныхъ аглинскихъ писателей А. А. Самборскимъ, протоіереемъ находящимся при Россійскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, изданное подъ смотрѣ-

ніемъ профессора Семена Десницкаго, въ Москвѣ, въ унив. типографіи у Н. Новикова 1781 г.“ [1]).

Хотя главнѣйшія обстоятельства жизни и дѣятельности прот. Самборскаго уже довольно извѣстны въ печати [2]), но безпристрастное и окончательное сужденіе объ этой вполнѣ достойной уваженія личности еще не произнесено судомъ исторіи. Тогда какъ одни изъ историковъ (баронъ М. Корфъ) [3]), проф В Ламанскій [4]), Е. Шумигорскій [5]) и др.) высказыва-

---

[1]) Изъ бѣлаго петербургскаго духовенства Екатерининской эпохи по своему образованію съ о. Самборскимъ могутъ идти въ сравненіе развѣ только такія личности, какъ напр. священникъ Казанскаго собора Петръ Андреевъ, исповѣдывавшій извѣстную самозванку, княжну Тараканову и умѣвшій свободно говорить по-нѣмецки, да діаконъ церкви Семеновскаго полка Василій Налимовъ переведшій на французскій языкъ въ 1792 году богословіе Ѳеофилакта Горскаго („Памятныя записки Храповицкаго“, стр. 63 Чтен. об Истор. и Древн., кн. I, 1867 г. стр. 89. ср. 46 и др.). Обыкновенно же духовенство того времени, даже петербургское, представляло поразительный примѣръ невѣжества и грубости. Въ спискахъ тогдашняго столичнаго духовенства фигурируютъ: протоіереи, необучавшіеся нигдѣ, напр. Иванъ Троицкій, или дошедшіе до одного грамматическаго класса,—священники, возведенные въ этотъ санъ изъ потерявшихъ голосъ придворныхъ протодіаконовъ, изъ митрополичьихъ посошниковъ, подъякономъ и пѣвчихъ („Іезуиты въ Россіи, съ царствованія Екатерины II и до нашего времени“, ч. I, М. Морошкина, стр. 268).

[1]) Свѣдѣнія о немъ можно находить въ слѣдующихъ изданіяхъ: „Сѣверная Почта или новая Санктпетербургская газета“ 1815 г. № 82; Историко-стат. опис. харьк. еп. Филарета, отд V, 1858 г, стр. 84—88; „Жизнь графа Сперанскаго“ барона Корфа, Спб. 1861 г., т. I. стр. 9 прим; „Чтенія об. Истор. и Древн.“ 1868г. кн. I, смѣсь, стр. 238—240; „Іезуиты въ Россіи“... Морошкина, ч. II, 1870 г, стр. 20—25; „Памятники новой русской исторіи“ изд В. Кашпирева, т. II, Спб. 1872, стр. 47 и дл; „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 9, стр. 732—735; „Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ слободской Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета“ проф. А. Лебедева, Москва 1886 г., стр. 25. 26; „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“, Спб. 1888 г.; „Русскій Архивъ“ 1891 г, кн. II, стр 311 312. „Христ. Чтеніе“ 1894 г., ноябрь—декабрь, стр. 425—429; „Руководящіе дѣятели духъ просвѣщенія въ Россіи, въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Комиссія дух. училищъ“ И. А. Чистовича Сп. 1894 г; стр. 151, примѣч. и др. „Русская посольская церковь въ Лондонѣ въ XVIII в.“, В. Александренко, Варшава, 1895 г.

[2]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. I, стр. 9.

[3]) „Памятники новой русской исторіи“, т. II, стр. 47.

[4]) „Русскій Архивъ“ 1891 г., кн. II, стр. 311 и дал.

ютъ объ о. Самборскомъ самые лестные отзывы не только въ отношеніи его религіозно-нравственныхъ качествъ и познаній, но и какъ о законоучителѣ императора Александра Павловича,—другіе (о. Морошкинъ [1]), а за нимъ проф. В. Надлеръ [2]), по недостатку имѣвшихся у нихъ подъ руками точныхъ документальныхъ данныхъ, наоборотъ, набрасываютъ тѣнь на доброе имя законоучителя императора Александра Благословеннаго, утверждая, что Самборскій, будучи человѣкомъ самымъ заурядными, не съумѣлъ надлежащимъ образомъ исполнить возложеннаго на него важнаго порученія и не развилъ въ душѣ царственнаго своего питомца истиннаго религіознаго чувства и преданности къ православной церкви. Въ сравнительно недавнее время были обнародованы новые документы, могущіе, безъ сомнѣнія, способствовать болѣе вѣрной оцѣнкѣ личности о. Самборскаго [3]). Въ этихъ документальныхъ данныхъ протоіерей Самборскій выступаетъ съ совершенно другой, болѣе выгодной для него стороны, такъ что появленіе въ литературѣ упомянутаго, можно сказать, оскорбительнаго для свѣтлой памяти законоучителя императора Александра I, сужденія представляется по меньшей мѣрѣ опрометчивымъ. Задача настоящаго біографическаго очерка—на основаніи новоопубликованныхъ документовъ снять, по возможности, несправедливыя нареканія на личность знаменитаго въ свое время протоіерея А. А. Самборскаго.

Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій родился 1-го августа 1732 года въ деревнѣ Сыроваткѣ, Харьковской (прежде Сло-

---

[1]) „Іезуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 20—25.

[2]) „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 9, стр. 732—735.

[3]) Разумѣемъ: 1) нѣкоторыя письма Самборскаго къ разнымъ Высочайшимъ особамъ и рукописи, изданныя однимъ изъ его внучекъ, владѣющею обширною перепискою своего дѣда, въ брошюрѣ „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“, стр. 24—72, напечатанной въ 1888 году въ С.-Петербургѣ всего въ количествѣ ста экземпляровъ и 2) письма же о. Самборскаго къ имп. Александру Павловичу и оберъ-прокурору св. Синода, князю А. Н. Голицыну (1806—1815 гг.), напечатанныя свящ. В. Жмакинымъ въ „Христ. Чтеніи“ за 1894 годъ.

бодско-украинской) губерніи, Ахтырскаго уѣзда [1]); отецъ его Аѳанасій Самборскій, священникъ—изъ дворянъ, былъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ и состоялъ въ родствѣ съ извѣстнымъ Цареборисовскимъ сотникомъ Андреемъ Самборскимъ [2]). Желая дать своему сыну хорошее образованіе, родители первоначально отправили его въ Бѣлгородъ (нынѣшней Курской губерніи), гдѣ онъ „обучался латинскому языку", а потомъ онъ поступилъ въ Кіевскую академію, гдѣ „отчасти богословіе выслушалъ" [3]). При отправленіи въ Кіевъ, молодой Самборскій, напутствуемый родительскимъ благословеніемъ, вышелъ изъ дома отца пѣшкомъ, имѣя въ карманѣ полученные на дорогу отъ матери три серебряныхъ рубля, изъ которыхъ онъ израсходовалъ на путевыя издержки только одинъ рубль, остальные же два хранилъ до конца жизни и ими родные закрыли ему глаза.

Въ то время, императрица Екатерина II, возымѣвшая благое намѣреніе чрезъ сельскихъ священниковъ распространить между народомъ раціональныя познанія о земледѣліи и тѣмъ поднять народное благосостояніе, предписала выбрать лучшихъ учениковъ изъ Кіевской академіи и послать ихъ въ Англію для изученія агрономіи. Андрей Самборскій, по окончаніи академическаго курса, какъ одинъ изъ отличныхъ учениковъ, былъ избранъ въ числѣ другихъ и отправленъ въ Великобританію. Тамъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, изучая главнымъ образомъ земледѣліе и англійскій языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, въ 1765 году, при отправленіи въ Лондонъ для служенія при тамошней греко-россійской церкви учителя Кіевской академіи іеромонаха Ефрема Діаковскаго, опре-

---

[1]) Авторъ Истор. стат. описс. харьк. епарх. (отд. V, стр. 87), а за нимъ проф. А. Лебедевъ („Харьковскій коллегіумъ"., стр. 25) ошибочно называютъ родиной Самборскаго с. Никитовку Ахтырскаго уѣзда. Точно также ошибается и И. Чистовичъ, называя родиной его г. Бѣлгородъ (Руковод. дѣят. дух. просв., стр. 151 прим.

[2]) Ист. стат. описс. Харьк. епарх., отд. V, стр. 87. Ср. 55 и дл.

[3]) Архивъ канц. обер. прокур. св. Синода 1765 г., № 496.

дѣленъ былъ при немъ церковникомъ [1]). Въ 1768 году, по смерти настоятеля Лондонской православной церкви Стефана Ивановскаго [2]), причетникъ Самборскій, предварительно женившійся на одной молодой англичанкѣ, по ходатайству дипломатическаго представителя Мусина-Пушкина, назначенъ былъ на настоятельское мѣсто, какъ человѣкъ, могущій отправлять на греческомъ языкѣ все церковное богослуженіе, и при томъ знавшій англійскій языкъ, который крайне необходимъ для англичанъ, воспринявшихъ православіе [3]).

Свою невѣсту, дѣвицу Елизавету Петровну Фильдингъ, сироту, жившую у престарѣлой тетки, Самборскій въ первый разъ увидѣлъ въ церкви. Познакомившись поближе съ молодою англичанкой, онъ перевелъ для нея православный катихизисъ и убѣдилъ ее принять православіе. 5 мая 1769 года она была миропомазана, при чемъ крестнымъ отцомъ у нея былъ Петръ Парадизъ, англійскій дворянинъ православнаго исповѣданія, служившій нѣкогда консуломъ въ Греціи отъ британскаго правительства; а 6 мая того же года молодая Фильдингъ была повѣнчана съ Андреемъ Аѳанасьевичемъ греческимъ іеромонахомъ Серафимомъ, капелланомъ Іерусалимскаго патріарха, случившимся на то время въ Лондонѣ, какъ засвидѣтельствовано объ этомъ самимъ Самборскимъ [4]). По вступленіи въ бракъ Самборскій уѣхалъ въ Россію для рукоположенія во священники. Тамъ, съѣхавшись съ своимъ братомъ Владиміромъ Аѳанасьевичемъ, онъ отправился сначала въ Сумскую провинцію къ своимъ родителямъ, получилъ ихъ

---

[1]) Чистовичъ, „Руковод. дѣят. дух. просвѣщенія“..., стр. 151, прим.

[2]) Изъ воспитанниковъ Московской славяно-греко-латинской академіи.

[3]) „Іезуиты въ Россіи“ Морошкина, ч. II. стр. 21.

[4]) Въ небольшой тетради, хранящейся вмѣстѣ съ другими его бумагами, въ с. Стратилатовкѣ, Харьк. губерніи, Изюмскаго уѣзда. Поэтому, сообщеніе Чистовича (указыв. сочиненіе, стр. 151, прим.), что будто бы Самборскій былъ повѣнчанъ въ Амстердамѣ, по отсутствію священника въ Лондонѣ, лишено основанія.

благословеніе и затѣмъ уже возвратился въ С.-Петербургъ [1]), гдѣ началъ готовиться къ посвященію, живя въ покояхъ петербургскаго митрополита Гавріила, въ Александро-Невской лаврѣ. Въ діаконы Самборскій рукоположенъ 6 сентября 1769 года, а во священники, въ церкви Казанской Божіей Матери—8 сентября. 14 сент., когда освященъ былъ антиминсъ для Лондонской греко-россійской церкви, о. Самборскій служилъ литургію съ митрополитомъ. 22 сент. представленъ былъ Ея Императорскому Величеству Екатеринѣ Алексѣевнѣ и Его Высочеству Павлу Петровичу; на другой день былъ на поклонахъ у графовъ Никиты Ивановича Панина, Григорія Григорьевича Орлова, Захарія Григорьевича Чернышева, вице-канцлера князя Голицына и у другихъ тогдашнихъ сановниковъ; вечеромъ того же дня видѣлся съ о. архимандритомъ Троице-Сергіевой лавры, законоучителемъ Наслѣдника престола и синодальнымъ членомъ, Платономъ, который подарилъ ему на память нѣсколько книгъ и другихъ вещей. Наконецъ 26 и 27 сент. о. Андрей Самборскій представлялся членамъ Св. Синода, которые приняли его весьма благосклонно; а 29 сент. отправился въ обратный путь—въ Лондонъ, гдѣ и оставался до 1782 года, ревностно исполняя свои обязанности по должности настоятеля церкви при русской миссіи, сообразно инструкціи, данной ему отъ 25 сент. 1769 г. Въ столицѣ Великобританіи о. Самборскій оказывалъ возможное содѣйстіе и помощь очень многимъ русскимъ людямъ, пріѣзжавшимъ туда для изученія наукъ. Особенною задачею его было руководить русскихъ молодыхъ людей и путешественниковъ въ изученіи англійскаго земледѣлія [2]). Въ бума-

---

[1]) На возвратномъ пути въ сѣверную столицу, вблизи слободы Черной (Курской губ.), Самборскій встрѣтился съ преосвященнымъ бѣлгородскимъ Самуиломъ, бывшимъ своимъ учителемъ богословія по Кіевской академіи, который принялъ его весьма благосклонно и угостилъ обѣдомъ въ поставленномъ въ полѣ шатрѣ.

[2]) „Сѣверная Почта“... 1815 г. № 82. Ср. „Жур. Мин. Нар. Просв.“

гахъ Самборскаго сохранилось немало писемъ отъ разныхъ лицъ всѣхъ сословій и званій, изъ которыхъ видно, съ какою довѣрчивостію всѣ обращались къ настоятелю Лондонской православной церкви. Изъ другихъ писемъ, оставшихся послѣ о. Самборскаго, можно видѣть, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ многихъ высшихъ духовныхъ особъ того времени. Таково, напр., письмо къ нему извѣстнаго митрополита московскаго Платона, въ которомъ послѣдній проситъ Самборскаго о покровительствѣ сыну своего пріятеля и друга Шишковскаго, который учился въ Лондонѣ, въ чемъ-то проштрафился и попалъ въ тюрьму [1]). Вотъ это письмо: „Преподобнѣйшій о. Андрей! Любезный о Господѣ братъ! Г. статскаго совѣтника Степана Ивановича Шишковскаго сынъ, Иванъ Степановичъ, находится нынѣ въ Англіи для обученія наукамъ. Какъ родитель его Степанъ Ивановичъ есть мнѣ пріятель и другъ, то и прошу Васъ о сынѣ его приложить Ваше въ пользу его попеченіе, чего не токмо я могу отъ Васъ ожидать по вашей ко мнѣ любви, но и по *способности Вашихъ дарованій и честности*, коими Вы всякому полезны быть восхощете и поможете. За что не токмо родители, но и я ко всегдашней обязанъ буду благодарности; а нынѣ при желаніи Вамъ благословенія Божія пребываю Вашъ доброжелатель Платонъ Архіепископъ Московскій. 1778 мая 19 д. С.П.Б.“.

Вспоминая о своемъ пребываніи въ Англіи, о. Самборскій въ письмѣ къ императору Александру I, отъ 29 декабря 1804 г., между прочимъ писалъ: „По неисповѣдимому Божію провидѣнію, началъ я первое священнослуженіе въ Великобританіи. Сія просвѣщенная страна да засвидѣтельствуетъ, съ *какою ревностію и чистотою совершалъ я чрезъ многіе годы богослуженіе*, чувствуя, что чистое богослуженіе рождаетъ и

1893 г., кн. I, стр. 1—14: „Изъ жизни рус. студентовъ въ Оксфордѣ въ царств. императрицы Екатерины II“—В. Александренко.

[1]) „Русскій Архивъ„ 1871 г., стр. 1943.

утверждаетъ въ человѣкахъ чистую вѣру, которая едина утверждаетъ царскіе престолы и сохраняетъ ихъ непоколебимыми, содѣйствіемъ которой народы не мятутся, но пребываютъ въ тишинѣ и единодушіи, пребываютъ всегда вѣрными своему Богу и своему Государю. По совершеніи священной должности во храмѣ Божіемъ все прочее время употреблялъ я для пріобрѣтенія не собственной пользы, но соединенной съ благомъ общимъ: *успѣхамъ россійскихъ художниковъ, кораблестроителей, мореходцевъ и земледѣльцевъ жертвовалъ я весьма охотно всѣми возможными случаями и способами.* А дабы толико нужное попеченіе *тамо не прекратилось*, то, *на собственномъ моемъ иждивеніи* воспитавъ я благонадежнаго человѣка, поставилъ его преемникомъ моего священнослуженія и попеченія, которыя онъ исправляетъ со всякимъ прилежаніемъ и во многихъ случаяхъ съ доказанными успѣхами [1]). Сѣмена *моей ревности* посѣяны уже въ нѣкоторыхъ частяхъ любезнѣйшаго отечества".

II.

Въ 1782 году Самборскій, имѣвшій тогда уже санъ протоіерея, былъ вызванъ изъ Англіи императрицей Екатериною II для сопровожденія, въ званіи духовника, великокняжеской четы—цесаревича Павла Петровича съ Маріей Ѳеодоровною въ путешествіи ихъ по западной Европѣ, подъ именами „графа и графини сѣверныхъ" (Comte et Comtesse du Nord) [2]). Это путешествіе, во время котораго протоіерей Самборскій познакомился со многими образованнѣйшими людьми того времени, дало ему возможность еще болѣе усовершенствовать

---

[1]) Разумѣется протоіерей Яковъ Смирновъ—изъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума. См. о немъ „Рус. Архивъ" 1879 г т. I, стр 355. Ср. „Рус. посольск. церковь въ Лондонѣ въ XVIII в.", стр. 15—17. 23.

[2]) Въ домашнемъ архивѣ с. Стратилатовки находится большая печатная карта этого путешествія и печатный маршрутъ.

свое образованіе и обратило на него вниманіе высокопоставленныхъ лицъ. По возвращеніи его изъ-за границы съ ихъ Высочествами, императрица Екатерина, въ знакъ особаго своего благоволенія, собственноручно возложила на него наперсный крестъ съ изображеніемъ распятія, на фонѣ изъ синей эмали, осыпанный брильянтами на голубой (Андреевской) лентѣ [1]). Извѣщая свою жену, все это время оставшуюся въ Англіи, о полученіи этой монаршей милости, о. Самборскій (отъ 10 марта 1783 года) писалъ: „Я имѣлъ счастіе получить отъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей и милосердной Матери, очень высокій знакъ отличія. Сегодня Ея Величество изволила почтить меня *бриліантовымъ крестомъ на голубой лентѣ*, который она возложила на меня *собственными руками*. И наградила меня Своею материнскою бесѣдою. Благодареніе Богу за это".

Послѣ аудіенціи у императрицы протоіерей Самборскій немедленно отправился на родину получить благословеніе отъ своей престарѣлой матери—вдовы. Объ этомъ своемъ свиданіи съ матерью онъ упоминаетъ въ письмѣ къ женѣ (отъ 21 іюня того же года) въ слѣдующихъ теплыхъ выраженіяхъ: „Радость, которую наша престарѣлая и почтенная мать почувствовала, при моемъ пріѣздѣ, невыразима! Благодареніе Богу! Она живетъ и переноситъ свои преклонныя лѣта съ христіанскою твердостію, на удивленіе всѣмъ и къ нашему истинному утѣшенію. Она всегда усерднѣйше молится о тебѣ и дѣтяхъ [2]); и когда вы соединяетесь въ обоюдной молит-

---

[1]) Этотъ крестъ, по смерти о. Самборскаго, представленъ былъ въ императорскій кабинетъ, который выдалъ за него сиротамъ по двѣ тысячи рублей Но императоръ Александръ Павловичъ, согласно желанію дочери протоіерея Самборскаго, повелѣлъ передать его въ церковь с. Стратилатовки на украшеніе дарохранительницы Вдѣланный въ золотую дарохранительницу, имѣющую видъ креста, этотъ крестъ и нынѣ находится въ Стратилатовской церкви (Ист. ст опис. х ен., отд. V, стр).

[2]) Въ Англіи у Самборскаго родились дѣти: Анна, Софія, Александръ, скончавшійся на 22 году жизни и Исаія, умершій 4 лѣтъ.

вѣ и въ упованіи на Провидѣніе, вы будете жить въ спокойствіи до старости и увидите дѣтей вашихъ дѣтей. Она посылаетъ свое любящее благословеніе всѣмъ вамъ. Чрезъ нѣсколько дней я оставлю Москву и постараюсь достигнуть Лондона со всевозможною поспѣшностію".

Во время своего пребыванія на родинѣ о. Самборскій старался устроить матеріальное положеніе своей многочисленной бѣдной родни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проѣзжая по Малороссіи, онъ не опускалъ случая познакомиться съ тамошнимъ сельскимъ хозяйствомъ, чтобы, по оставленіи службы въ Англіи, можно было съ большимъ успѣхомъ примѣнить въ родной странѣ свои агрономическія познанія. Въ письмѣ отъ 9 сент. 1783 г. къ князю Александру Андреевичу Безбородко Самборскій пишетъ о себѣ слѣдующее: „я отправился къ моей матери. Престарѣлую вдову съ сиротами и другихъ моихъ *многочисленныхъ родственниковъ* нашелъ *въ превеликой бѣдности и безъ всякаго призрѣнія!* Пребѣдное ихъ состояніе заставило меня *ходатайствовать объ нихъ* у разныхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ особъ, между которыми графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ великія сдѣлалъ одолженія. А какъ я *въ переѣздахъ моихъ* повстрѣчался съ земледѣльческими работами, коихъ я доселѣ одну только зналъ поверхность, то я нашелъ необходимо нужнымъ *испытать всю практику здѣшнюю съ тѣмъ, чтобы съ большею точностію могъ я аппликовать правила, пріобрѣтенныя мною въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, къ здѣшнему климату*, и съ увѣреніемъ теперь могу Вамъ сказать, что во всѣхъ мѣстахъ имперіи Россійской можно завесть доброе и весьма прибыточное государству хозяйство. О нынѣшнемъ Россійскомъ доношу Вамъ, что оно есть въ самомъ бѣднѣйшемъ состояніи. Крестьяне вообще не разумѣютъ никакого порядка; слѣдственно теряютъ они по крайней мѣрѣ третью часть времени, которое, по долговременной здѣшней зимѣ, должно быть весьма дорого. Теряютъ они почти половину хлѣба, а при

томъ весьма изнуряютъ и свои силы и своихъ скотовъ, что и причиняетъ наичувствительнѣйшій вредъ государству. Я ѣздилъ такожъ и въ Херсонъ, дабы узнать, какого роду хозяйство тамъ можно завесть. О семъ мѣстѣ долженъ я сказать, что оно изобилуетъ благословенною землею. Подвигъ сей я для того теперь сдѣлалъ, что когда я, *по возвращеніи изъ Англіи, вступлю въ должность и практику*, то мнѣ невозможно будетъ тогда отлучиться“ [1]).

По возвращеніи въ Москву изъ поѣздки на родину протоіерей Самборскій, какъ видно изъ вышеприведеннаго письма его къ женѣ отъ 21 іюня 1783 г., хотѣлъ было поскорѣе съѣздить въ Лондонъ, чтобы навѣстить свою соскучившуюся по немъ семью, но въ началѣ 1784 года онъ совершенно неожиданно назначенъ былъ законоучителемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, и это заставило его измѣнить свое прежнее намѣреніе. По этому случаю Самборскій отъ 20 марта 1784 г. писалъ своей женѣ: „самыми непостижимыми путями божественнаго провидѣнія и *волею Екатерины Великой назначенъ я преподавать Законъ Божій Ихъ Императорскимъ Высочествамъ молодымъ Великимъ Князьямъ. Это неожиданное событіе оправдываетъ предъ тобою мое долгое отсутствіе.* Такъ какъ моя настоящая должность имѣетъ важнѣйшее значеніе для нашего Отечества, и можно сказать для человѣчества вообще, то я обязанъ пройти чрезъ самое строгое самоиспытаніе, чтобы узнать: достоинъ ли я столь высокой довѣренности отъ такой великой, такой мудрой и предусмотрительной монархини. Всякія мелкія испытанія я переносилъ съ твердостію и благодарностію—теперь со всевозможнымъ усердіемъ и бдительностію я долженъ начать мою священную обязанность. (Такъ серьезно смотрѣлъ протоіерей Самборскій на возложенное на него

[1]) Русскій Архивъ 1890 г., кн. III, стр. 158. 159.

Высочайшею властію чрезвычайно важное порученіе [1])!—Ни время, ни полнота моего сердца не позволяютъ мнѣ распространяться о семъ предметѣ. Только я радъ сказать тебѣ, что мнѣ навѣрно обѣщанъ отпускъ въ Англію весною, чтобы привезти васъ домой. Будущій іюль назначенъ для возвращенія нашего въ Россію. Я надѣюсь, что ты принесла горячія молитвы Всемогущему Богу за Его неизреченное милосердіе и за благоденствіе нашей Царской семьи, подъ покровительствомъ которой, ты, моя дражайшая супруга, и потомство наше будемъ проживать счастливые дни".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по повелѣнію императрицы Екатерины II, о. Самборскій долженъ былъ обучать великихъ князей англійскому языку и разбить для великаго князя Александра Павловича близъ Павловска паркъ, по тексту нравоучительной аллегорической сказки, сочиненной самой императрицей для любимаго внука, будущаго наслѣдника престола, подъ заглавіемъ: „Царевичъ Хлоръ и роза безъ шиповъ" [2]). Впослѣдствіи, въ тѣхъ же самыхъ званіяхъ законоучителя и преподавателя англійскаго языка протоіерей Самборскій состоялъ и при великихъ княжнахъ Александрѣ, Еленѣ и Маріи Павловнахъ.

Въ бытность свою законоучителемъ великихъ князей и княженъ А. А. Самборскій получилъ отъ правительства мызу Бѣлозерку, находившуюся на дорогѣ изъ Павловска (любимое мѣстопребываніе императора Павла Петровича) въ Царское Село. Здѣсь онъ велъ образцовое хозяйство [2]). Любовь о. Самборскаго къ агрономіи, въ его умѣлыхъ рукахъ, давала ему богатый матеріалъ для законоучительскихъ бесѣдъ съ

---

[1]) Виды этого извѣстнаго по своей вычурной, сентиментальной идиллическости „Александрова парка", и поэма въ стихахъ, описывающая его, находятся во многихъ экземплярахъ въ семейномъ архивѣ с. Стратилатовки. Александрова дача впослѣдствіи была подарена главному воспитателю великихъ князей Н. И. Салтыкову.

[2]) „Русскій Архивъ" 1890 г., кн. III, стр. 159, прим. 1.—Это, сколько извѣстно, первый примѣръ сельско-хозяйственныхъ фермъ въ Россіи.

его царственными учениками и ученицами. Извѣстно, что съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ онъ иногда совершалъ прогулки по полямъ, въ окрестностяхъ Бѣлозерки, объясняя ему пользу земледѣлія, входилъ съ нимъ въ избы бѣдныхъ крестьянъ, знакомилъ его съ ихъ бытомъ, нуждами и тяжкимъ трудомъ [1]). Когда Александръ Павловичъ былъ уже императоромъ, протоіерей Самборскій, вспоминая о времени своего законоучительства, между прочимъ, писалъ ему (отъ 29 декабря 1804 г.): „Время оное было для меня златое и драгоцѣнное, тѣмъ паче, что Ваше Величество могли весьма ясно познать *мою прямую систему религіи евангельской, и религіи сельской,* изъ которыхъ происходитъ благонравіе и трудолюбіе, которыя суть твердое основаніе народнаго благоденствія. Когда Монархъ успѣетъ поставить свой народъ на сію степень блаженства, тогда онъ не устрашится предстать съ отвѣтомъ въ будущей жизни предъ нелицепріемнымъ и праведнымъ судіею Богомъ".

Лѣтомъ 1787 года о. Самборскій находился въ Москвѣ и селѣ Коломенскомъ при августѣйшихъ ученикахъ своихъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ, прибывшихъ сюда изъ Царскаго Села на встрѣчу возвращавшейся изъ Крымскаго путешествія императрицѣ Екатеринѣ [2]). При встрѣчѣ государыни, Самборскій произнесъ рѣчь, которая тогда же была напечатана въ Москвѣ [3]). Въ этотъ пріѣздъ свой въ Москву, протоіерей Самборскій, въ положеніи законоучителя великихъ князей, остановился во дворцѣ. Здѣсь, между прочимъ, на вѣстилъ его знакомый ему съ дѣтства Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, въ то время еще только студентъ Владимірской семинаріи [4]).

---

[1]) „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго", стр. 9.

[2]) „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 1944, прим.

[3]) Истор. стат. опис. харьк. епарх., отд. V, стр. 88.

[4]) Въ отмѣткахъ „студента философіи" Сперанскаго въ календарѣ 1786 г., за три года пребыванія его въ Владимірской семинаріи (см. „Жизнь графа Сперанскаго" Корфа, т. I, стр. 18—24), между прочимъ, читаемъ: „1787 года 23

Протоіерей Самборскій исполнялъ обязанности законоучителя великихъ князей и княженъ съ примѣрнымъ усердіемъ, и пріобрѣлъ этимъ любовь и расположеніе своихъ царственныхъ учениковъ и ученицъ.

іюня пріѣхалъ я (изъ семинаріи) въ село Черкутино (родина Сперанскаго), взявъ паспортъ въ Москву на мѣсяцъ, т. е. отъ 22 іюня до 22 іюля. 24-го отправился на ночь въ Москву, т. е съ 23-го на 24-е. Прибыли въ Москву 25 числа, по утру въ 11 часовъ. *Ѣздили ко двору и были у отца протоіерея Андрея Аванасьевича* (Самборскаго) — О. Самборскій впервые посѣтилъ родину Сперанскаго вмѣстѣ съ Черкутинскимъ владѣльцемъ, княземъ Н. И. Салтыковымъ, главнымъ воспитателемъ великихъ князей, во время его дѣтскаго возраста (Сперанскій родился 1 янв. 1772 г.). Въ это время Самборскій познакомился съ родителями малолѣтняго Сперанскаго (священникомъ с. Черкутина Михаиломъ Васильевичемъ Сперанскимъ и женой его Прасковьей Ѳеодоровной), нѣсколько разъ бывалъ у нихъ, любовался бѣленькимъ мальчикомъ, бѣгавшимъ, запросто, босикомъ, бралъ его на руки, говорилъ съ нимъ, звалъ, въ шутку, къ себѣ въ Петербургъ („Жизнь графа Сперанскаго“ Корфа, т I, стр. 9). Это первое знакомство Самборскаго съ Сперанскимъ, возобновленное въ 1787 году въ Москвѣ, постоянно поддерживалось и послѣ того. Въ 1788 году Сперанскій окончилъ философскій классъ въ Владимірской семинаріи и долженъ былъ перейти въ богословію въ Суздальской семинаріи (за переводомъ въ Суздаль семинаріи изъ Владиміра). Въ то время Сперанскому шелъ 17-й годъ, и онъ хотѣлъ поступить въ Московскій университетъ, для изученія математики и французскаго языка. По этому случаю семинаристъ Сперанскій обратился къ Самборскому, занимавшему тогда важное положеніе въ духовномъ мірѣ, съ просьбой —походатайствовать предъ мѣстнымъ архіереемъ о переходѣ его изъ семинаріи въ университетъ. „Ваше Высокопреподобіе, Милостивый Государь! писалъ онъ отъ 16 іюля 1788 года о. Самборскому,—„особливая благосклонность отцу моему въ бытность Вашу въ селѣ Черкутинѣ, равно и мнѣ въ Москвѣ Вами оказанная, возбуждаетъ во мнѣ смѣлость просить въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ Вашего вспомоществованія. Въ бывшей Владимірской семинаріи окончилъ я философскій курсъ Послѣ вакаціи въ Суздальской долженъ буду вступать въ богословскій классъ; но мнѣ желательно слушая богословію вмѣстѣ съ изученіемъ французскаго языка и математическими занятся науками, коихъ въ семинаріи не преподаютъ. Охота къ познанію сихъ наукъ убѣждаетъ меня изъ духовнаго училища перейти въ Московскій университетъ; но я увѣренъ совершенно, что архипастырь мой сему желанію моему исполниться не дозволитъ. Для чего нижайше прошу Васъ, Милостивѣйшій Государь, принять на себя трудъ *попросить чрезъ письмо Его Преосвященство о моемъ увольненіи.* Вы тѣмъ увеличите цѣну Вашихъ ко мнѣ благодѣяній, и премного обяжете человѣка, который съ глубочайшимъ къ Вамъ высокопочитаніемъ пребывая, за счастіе себѣ почитаетъ быть Вашего Высокоблагословенія покорнѣйшимъ слугою бывшей Владимірской семинаріи философіи студентъ М. Сперанскій“.

Какія искреннія чувства преданности питали къ своему законоучителю великія князья,—объ этомъ всего лучше говорятъ письма ихъ къ о. Самборскому, когда послѣдній, по случаю весьма продолжительной болѣзни, долгое время не могъ пріѣзжать къ своимъ воспитанникамъ на уроки и, хотя изрѣдка, долженъ былъ посылать имъ письменныя наставленія.

12 декабря 1787 года, по случаю дня рожденія великаго князя Александра Павловича, протоіерей Самборскій писалъ юному своему ученику слѣдующее: „Ничто въ жизни толико меня не утѣшаетъ, какъ желаніе Ваше, устремляющееся къ истинному познанію Бога и Его святого закона. Посему, дражайшій мой ученикъ, судить можете, коликимъ прискорбіемъ объята есть душа, что я *по причинѣ моей болѣзни не могу имѣть съ Вами душеспасительной бесѣды*, паче же въ сіе радостное торжество, которымъ воспоминается рожденіе Ваше. Что дражайшая жизнь Ваша воспріяла свое начало отъ безначальнаго и всемогущаго Творца; что всесовершенная Его премудрость украсила Вашу душу и тѣло всѣми совершенствами и превосходными талантами; что неисповѣдимая Его благость ниспосылаетъ Вамъ вся благая и что непрестанно пекущееся Его провидѣніе Васъ сохраняетъ,—во всемъ томъ утверждаетъ Васъ чистѣйшая и непоколебимая вѣра, которую Вы пріобрѣли прилежаніемъ и долговременнымъ испытаніемъ какъ естественнымъ, такъ и евангельскимъ. Но какъ при томъ оказалось, что вѣра едина есть мертва безъ добрыхъ дѣлъ, которыя въ томъ единственно состоятъ, дабы возлюбить Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею, и ближняго своего какъ самого себя, то Вы, Благочестивѣйшій Государь, и должны всемѣрно стараться преуспѣвать въ оныхъ добрыхъ дѣлахъ. Десять лѣтъ уже Вамъ исполнилось; здравый Вашъ разсудокъ, возрастающій съ лѣтами, сильнѣе теперь будетъ увѣщать Васъ, что со всевозможнымъ благоговѣніемъ подобаетъ размышлять о Богѣ, приносить благодареніе и совершать молитвы такъ, что-

бы уста и сердце всегда были единогласны, а не какъ фарисеи, которые, какъ св. Евангеліе Вамъ извѣстило, устами только Бога чтутъ, сердце же ихъ далече отстоитъ. И такое благопочитаніе есть паче оскорбленіе величеству Божію, а не жертвоприношеніе! По совершеніи усерднѣйшихъ молитвъ, должны Вы обратить все вниманіе на тѣ науки, которыя споспѣшествуютъ просвѣщенію Вашего высокаго рожденія. Неоднократно напоминалъ я, что время есть невозвратно, въ чемъ и вы всегда были со мною согласны. Напоминалъ я Вамъ и то, что Богъ, одаривъ щедро Васъ душевными и тѣлесными талантами, взыщетъ строго отъ Васъ отчетъ въ употребленіи оныхъ, по подобію евангельской притчи о талантахъ. Многократно представлялъ я Вамъ о самоважнѣйшей должности Вашихъ наставниковъ и хранителей. Симъ во всякой кротости, довѣренности и чистосердечіи должны Вы повиноваться и для двухъ причинъ: первое, что Ваша Великая и Премудрая Прародительница благоизволила ихъ избрать; второе, что они жертвуютъ всѣмъ своимъ спокойствіемъ, да и самою жизнію, Вашему благоденствію. Впрочемъ, старайтесь находить во всякомъ человѣческомъ состояніи своего ближняго. Тогда никого не обидите; и тогда исполните Законъ Христовъ. Я же, преклонивъ колѣна и проливая слезы, молю Всевышняго, да ниспослетъ на Васъ всесильную благодать Свою, къ преуспѣянію во всѣхъ благахъ. Примите, Благочестивѣйшій Государь, сей мой даръ съ таковою откровенностію души, каковую приношу, и вѣрьте, что пребуду пока живъ, буду Вашего Императорскаго Высочества всеподданнѣйшій богомолецъ Андрей Самборскій“.

Въ отвѣтъ на это письмо своего законоучителя писалъ еще совсѣмъ дѣтскимъ почеркомъ великій князь Александръ Павловичъ: „Андрей Аѳанасьевичъ! Я Васъ очень благодарю за Ваше письмо и за Ваши наставленія, *которыя буду стараться всѣмъ моимъ сердцемъ исполнять, я сердечно сожалѣю, что Вы нездоровы* and I wish with all my heart the restoration

of your health, пребывая къ Вамъ *навсегда доброжелательнымъ* и прошу Вашего благословенія. Городъ святого Петра. 19 декабря 1787 года. Александръ".

Подобное же письмо получилъ о. Самборскій отъ великаго князя Александра Павловича и въ слѣдующемъ году. „Милостивый Государь! писалъ своему законоучителю Александръ Павловичъ,—Я чрезвычайно обязанъ Вамъ за Ваше ласковое письмо; *правила и совѣты, заключающіеся въ немъ, глубоко проникнули меня, и я надѣюсь примѣнить ихъ сообразно Вашему желанію, Я очень сожалѣю, что болѣзненное состояніе Ваше препятствуетъ мнѣ пользоваться ими лично.* Ген. Салтыковъ (главный воспитатель великихъ князей) извѣщаетъ меня, что Вамъ гораздо лучше; *я радуюсь этому и надѣюсь на совершенное выздоровленіе Ваше.* Я читалъ по англійски три раза въ недѣлю съ Парландомъ и соотвѣтственно желанію Вашему перевелъ Ваше письмо на русскій языкъ. Я надѣюсь, что Вы скоро будете здѣсь, чтобы одобрить его. Пребываю *съ глубочайшимъ уваженіемъ* Вашъ покорнѣйшій слуга Александръ. С.-Петербургъ. Фев. 19. 1788 г.".

Наступалъ великому князю Александру Павловичу 14-й годъ отъ рожденія, а Самборскій все никакъ не могъ оправиться отъ своей болѣзни. По этому случаю онъ опять писалъ своему августѣйшему питомцу: „Благочестивѣйшій Государь! Всесильнымъ содѣйствіемъ Божіей благодати и Вы уже совершили возрастъ отрочества. Сей златой вѣкъ жизни человѣческой хотя и не возвратится, Вы однако жъ съ подобающимъ благоговѣніемъ и непрестанною благодарностію должны чувствовать, что возрасту сему всѣмъ Вашимъ просвѣщеніемъ, будущимъ благоденствіемъ Вы одолжены; поелику Вы пріобрѣли въ немъ истинное Богопознаніе, познаніе самого себя и познаніе должностей къ ближнему; ибо отъ познанія сихъ открывается прямой путь безсмертной душѣ къ вѣчному блаженству! По многимъ причинамъ, безъ сомнѣнія, чув-

ствуете и Сами, Ваше Высочество, что уже миновался возрастъ Вашего отрочества. Я долженъ Вамъ теперь сказать съ отличною твердостію духа, Вы же, Благочестивѣйшій Государь, съ равномѣрною принять, что миновалась уже Ваша сладчайшая невинность и душевное спокойствіе, ибо Вы уже вступили въ юношество, которое обыкновенно бываетъ распаляемо свирѣпѣйшими страстьми и влекомо къ вреднымъ пожеланіямъ и разнообразнымъ предметамъ, которымъ тотъ юноша точію жертвою не бываетъ, который Божій Законъ и здравый разсудокъ поставляетъ бдительнымъ стражемъ и судьею надъ всѣми своими дѣяніями. Къ собственному утѣшенію Вашему и къ счастью рода человѣческаго и любезнѣйшаго нашего отечества, долженъ я и то сказать, что Ваше Высочество любите Бога и Его святой Законъ, и что Вы отмѣнно предъ прочими одарены здравымъ разсудкомъ и честнымъ сердцемъ, которыя сопряжены купно могутъ Васъ сохранить отъ всякихъ поползновеній о чемъ, съ истинною вѣрою, Вы всегда и я купно съ Вами должны возсылать горячайшія ко Всемогущему Богу молитвы".

На это письмо своего законоучителя великій князь Александръ Павловичъ отвѣчалъ: „Покорнѣйше Васъ благодарю, Андрей Аѳанасьевичъ, за Ваше письмо. *Жалью весьма, что такъ долго мнѣнъ удовольствія Васъ видѣть и самолично свидѣтельствовать ту искренность, съ которою навсегда пребуду Вамъ* усерднѣйшій Александръ. 13 декабря 1791 г. С.-Петербургъ".

Такія же письма, съ изъявленіемъ сердечнаго сочувствія и признательности, получалъ протоіерей Самборскій и отъ другого своего царственнаго ученика—великаго князя Константина Павловича. Такъ, отъ 1 февр. 1788 г. Константинъ Павловичъ писалъ своему законоучителю: „Преподобный Отецъ! *Благодарю Васъ* за поздравленіе и *добрые совѣты. Сожалѣю сердечно о болѣзни Вашей и желаю скораго и совершеннаго*

выздоровленія. Впрочемъ, препоручая себя молитвамъ Вашимъ, пребываю *навсегда съ отличнымъ уваженіемъ* Вашъ усердный и доброжелательный Константинъ".

Что и великія княжны чувствовали расположеніе къ своему законоучителю,—объ этомъ можно заключить напр. изъ слѣдующаго обстоятельства. Когда императоръ Павелъ Петровичъ, рескриптомъ своимъ отъ 4 марта 1797 года [1]), пожаловалъ протоіерею Самборскому, въ награду за ревностные труды его по законоучительству, землю и деревню Стратилатовку съ пятьюстами крестьянъ въ Харьковской губерніи, то старшая изъ великихъ княженъ, Александра Павловна, узнавъ объ этомъ отъ своей матери, императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ дѣтскою радостію поспѣшила сообщить Андрею Аѳанасьевичу, что онъ получитъ большой подарокъ, но просила при этомъ ее не выдавать [2]).

Воспитаніе великаго князя Александра Павловича окончилось очень рано. Императрица Екатерина Алексѣевна, уже на закатѣ жизни, нетерпѣливо желала видѣть своего любимаго внука супругомъ и отцемъ семейства [3]). 31 окт. 1792 года прибыли въ Петербургъ на смотрины, въ сопровожденіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Степана Ѳеодоровича Стрекалова и статсъ-дамы графини Екатерины Петровны Шуваловой [4]), двѣ дочери наслѣднаго принца Баденъ-Дурлахскаго: Луиза Марія-Августа и Фридерика-Доротея-Вильгельмина, изъ которыхъ первая (14-лѣтняя принцесса) должна была сдѣлаться невѣстою 16-лѣтняго великаго князя [5]). 9-го мая 1793 года было совершено миропомазаніе старшей

---

[1]) Истор. стат. опис. Харьк. еп., отд. V, стр. 88.

[2]) „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго", стр. 9.

[3]) Кромѣ другихъ причинъ здѣсь имѣли мѣсто и чисто политическія.

[4]) Она была дочерью извѣстнаго фельдмаршала, героя семилѣтней войны и женою графа Андрея Петровича Шувалова, задушевнаго друга Вольтера.

[5]) Говорятъ, что будто-бы этотъ столь ранній бракъ разстроилъ здоровье юныхъ супруговъ; дочери ихъ, Марія и Елизавета, скончались въ младенчествѣ.

принцессы Луизы, нареченной при этомъ Елизаветой Алексѣевной, а на другой день—обрученіе ея съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ[1]). По случаю обрученія своего царственнаго питомца о. Самборскій почелъ своею обязанностію въ послѣдній разъ послать ему письменное наставленіе, которое, къ слову сказать, отличается строгостію тона, свидѣтельствующею о нравственномъ мужествѣ его составителя. Вотъ оно: „Пресвятая Троице! Боже нашъ слава Тебѣ. День сей толико есть важенъ для Вашего Императорскаго Величества, колико и первый день Вашего дражайшаго рожденія! День сей, разсмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ, должно по всей справедливости признать для Васъ самоважнѣйшимъ. Доселѣ Премудрая Прародительница Ваша, доселѣ чадолюбивые Родители Ваши неусыпное имѣли попеченіе о бытіи Вашемъ и какъ бы неразлучно хранили Васъ въ своемъ лонѣ. Доселѣ ревностные наставники Ваши просвѣщали Васъ познаніемъ священнаго Закона Божія и непреложнаго закона общежитія, но въ нынѣшній день неисповѣдимыя судьбы разрѣшаютъ Васъ отъ сего союза. *Воспитаніе Ваше кончилось.* Теперь всѣ вообще ожидаютъ отъ Васъ полезныхъ плодовъ. Теперь Вы, Благовѣрный Государь, должны Богу, отечеству и всякому порознь человѣку сами отвѣчать во всѣхъ дѣяніяхъ за себя! Вы должны отвѣчать не за себя точію, но и *за Вашу будущую супругу, съ которой въ сей день Вы обручаетесь*, Благовѣрную Государыню Елизавету Алексѣевну. По истинѣ дѣло есть крайне трудное отвѣчати тако! А паче въ Вашемъ высокомъ рожденіи, которое обстоитъ коварное и зловредное ласкательство, угнетающее правду. Проходя всѣхъ прошедшихъ вѣковъ событія, находимъ, что почти всѣ земные владыки больше или меньше сдѣлались жертвою онаго ласкательства, и кто больше предавался оному, тотъ въ страшнѣйшее превратился чудовище! И такъ, дабы Вы спаслись

[1]) Самое бракосочетаніе ихъ совершилось 28 сент. того же года.

бы будущихъ несчастій, *должны, во-первыхъ, остерегаться всевозможнымъ образомъ ласкательства; во-вторыхъ, сохранить свято обязанность брака, который начинается теперь обрученіемъ.* Важное сіе дѣло, какъ и вчерашнее (разумѣется св. миропомазаніе Высоконареченной невѣсты), начнемъ горячими молитвами и возымѣемъ твердую вѣру, что Благодать Божія во всемъ Вамъ будетъ содѣйствовать".

III.

Уже изъ приведенныхъ нами писемъ протоіерея Самборскаго къ своему августѣйшему ученику, великому князю Александру Павловичу, кажется, ясно, что онъ, какъ законоучитель послѣдняго, стоялъ на высотѣ своего призванія. Между тѣмъ, священникъ Морошкинъ, а за нимъ проф. Надлеръ, какъ замѣтили мы выше, отзываются о законоучительской дѣятельности о. Самборскаго съ весьма невыгодной для него стороны. Для соблюденія безпристрастія приведемъ дословно самые эти отзывы. „Вліяніе уроковъ Самборскаго на будущаго царя Россіи",—пишетъ о. Морошкинъ, „было слабое, какъ отзывался самъ царственный ученикъ, и ограничивалось только знаніемъ краткаго катихизиса, сочиненнаго для сельскихъ школъ, и формальнымъ исполненіемъ церковныхъ обрядовъ православныхъ, безъ всякаго знанія ихъ смысла и значенія [1])...

[1]) См. дневникъ квакера Грелье, гдѣ онъ описываетъ свой разговоръ съ Александромъ и сужденіе Александра о своемъ религіозномъ воспитаніи. „Онъ (императоръ)", пишетъ Грелье (приводимъ слова Грелье въ переводѣ съ французскаго), „изложилъ намъ нѣкоторыя подробности относительно своего воспитанія подъ наблюденіемъ его бабки, императрицы Екатерины. Воспитатели, которые были приставлены къ нему, отличались извѣстными достоинствами, но ето не были вѣрующіе христіане; слѣд. первоначальное его воспитаніе не сообщило ему религіозной настроенности, и однако онъ имѣлъ обыкновеніе, согласно правиламъ греческой церкви, утромъ и вечеромъ читать извѣстныя молитвы, но это ему не нравилось".

Вліяніе Самборскаго на Александра едва-ли могло простираться далѣе области изученія имъ на память вопросовъ и отвѣтовъ изъ катихизиса и механическаго затверживанія молитвъ. По образованію своему Самборскій былъ не великій богословъ, онъ обучался, по его оффиціальному засвидѣтельствованію, въ Кіевской академіи, гдѣ „отчасти богословіе слушалъ“. По складу ума своего, по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, это былъ болѣе хорошій агрономъ, чѣмъ богословъ, англичанинъ, чѣмъ православный русскій священникъ, можетъ быть, болѣе развитой, чѣмъ современныя ему духовныя лица, но за то, можетъ быть, болѣе прочей своей братіи удалившійся отъ чистоты и духа православія... Екатерина, при назначеніи Самборскаго въ законоучители для своего внука, главнымъ образомъ имѣла въ виду предохранить его отъ религіознаго фанатизма и поставить его выше всѣхъ вѣроисповѣдныхъ разностей, но отъ этого въ сердцѣ его образовалась религіозная пустота, въ которой онъ впослѣдствіи торжественно признавался“ [1]).

Проф. Надлеръ, повторяя о. Морошкина, еще болѣе сгущаетъ краски въ своемъ неблагопріятномъ отзывѣ о законоучителѣ императора Александра Павловича. По его словамъ, „на религіозное воспитаніе будущаго самодержца было обращено вниманіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне поверхностное. Опущеніе страшное, особенно если мы сообразимъ, какое колоссальное значеніе имѣетъ въ жизни народа русскаго начало религіозное, начало православія. Извѣстно, что законоучителемъ императора Павла Петровича былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ архипастырей русской церкви, митрополитъ Платонъ. Утверждаютъ, что императрица Екатерина осталась

[1]) „Графъ Блудовъ и его время“ И. Ковалевскаго, стр. 58—63. См. „Іезуиты въ Россіи“, ч. II, стр.. 20—25.

недовольна уроками Платона[1]), что она приписывала даже многіе изъ недостатковъ Павла вліянію его законоучителя. Какъ-бы то ни было, но религіозное воспитаніе Александра было поручено не Платону и не какому-либо изъ выдающихся свѣтилъ русской церкви, а человѣку мало извѣстному и во всякомъ случаѣ не выдававшемуся ни своими богословскими познаніями, ни религіозно-нравственными качествами. Протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій обучался по его собственному свидѣтельству въ Кіевской академіи, гдѣ „отчасти слушалъ богословіе“. Судьба забросила его въ Англію... Оставаясь въ Англіи цѣлыхъ 19 лѣтъ (?), о. Самборскій... до такой степени усвоилъ себѣ англійскіе привычки и взгляды что не могъ отдѣлаться отъ нихъ и по возвращеніи въ Россію. По всему складу своего ума, по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ, Самборскій былъ скорѣе человѣкъ свѣтскій, нежели духовный. Онъ былъ хорошій агрономъ, отличный садовникъ, но весьма посредственный богословъ... И въ Царскомъ Селѣ о. Самборскій занимался больше хозяйствомъ и садоводствомъ, нежели богословіемъ. Не кто другой, какъ онъ, распланировалъ, между прочимъ, знаменитый Царско-сельскій садъ... Мы не знаемъ, насколько былъ развитъ о. Самборскій въ общеобразовательномъ смыслѣ. Быть можетъ, онъ стоялъ въ этомъ отношеніи даже выше многихъ изъ своихъ братій; но возникаетъ вопросъ, не уступалъ-ли онъ имъ въ другихъ болѣе существенныхъ отношеніяхъ, не удалялся-ли онъ отъ чистоты и духа православія?... Въ Самборскомъ мы имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ твердымъ въ своей вѣрѣ, чуждымъ страха человѣческаго, не съ глубокимъ богословомъ, а съ свѣтскимъ и ловкимъ дипломатомъ, лишеннымъ всякихъ глубокихъ и сильныхъ убѣжденій. Такой человѣкъ навѣрное не воспитаетъ

---

[1]) Объ отношеніяхъ Екатерины къ Платону см. Морошкинъ „Іезуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 19 - 20. „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 539 „Воспоминанія Снегирева“. „Записки Храповицкаго“, стр. 33. 59.

фанатика, но онъ не разовьетъ въ духѣ воспитанника истинно-религіознаго чувства, не утвердитъ его въ догматахъ православной церкви, не ознакомитъ его достаточно съ внутреннимъ смысломъ православнаго вѣроученія. Екатерина, говорятъ намъ, при назначеніи Самборскаго въ законоучители для своего внука, главнымъ образомъ, имѣла въ виду предохранить Александра отъ религіознаго фанатизма, поставить его выше всѣхъ вѣроисповѣдныхъ разностей[1]). Эта цѣль была дѣйствительно достигнута, но достигнута дорогою цѣною. Уроки о. Самборскаго обнаружили весьма слабое вліяніе на Александра, можно сказать даже, что это вліяніе было скорѣе отрицательное, нежели положительное. Онъ заставлялъ своего царственнаго питомца учить наизустъ краткій катихизисъ, составленный для сельскихъ школъ, онъ научилъ его формально соблюдать обряды православной церкви, но никогда не давалъ себѣ труда растолковать ему сокровенный смыслъ и значеніе этихъ обрядовъ. Впослѣдствіи самъ Александръ горько жаловался на такой способъ религіознаго воспитанія[2]). Въ душѣ его, по его собственнымъ словамъ, господствовала страшная пустота[3]). Онъ не зналъ Бога. Онъ произносилъ утромъ и вечеромъ молитвы, но онъ дѣлалъ это сначала по принужденію, а потомъ по привычкѣ. Изъ всѣхъ его воспитателей ни одинъ не въ состояніи былъ пополнить страшнаго пробѣла, оставленнаго о. Самборскимъ[4]).

Итакъ, по взгляду Морошкина и Надлера, протоіерей Самборскій, какъ законоучитель великаго князя Александра Павловича, имѣлъ на будущаго царя Россіи весьма слабое вліяніе, и именно потому, что онъ былъ плохой богословъ и

---

[1]) Морошкинъ „Іезуиты въ Россіи", т. II, стр. 25.

[2]) См. свидѣтельство квакера Грелье у Морошкина, т. II, стр. 20.

[3]) См. Ковалевскаго: „Графъ Блудовъ и его время", стр. 58 и слѣд.; Eylert, Charakterzüge aus dem Leben Alexanders, т. I, стр. 246—248.

[4]) „Вѣра и Разумъ" 1884 г., № 9, стр. 732—735.

къ тому-же человѣкъ не твердый въ православіи. Правда-ли это? Что законоучительскіе уроки о. Самборскаго не имѣли полнаго вліянія на царственнаго его ученика,—это, въ виду нѣкоторыхъ документальныхъ свидѣтельствъ, хотя, впрочемъ, и не совсѣмъ надежныхъ (разумѣемъ квакера Грелье), быть можетъ и правда, но въ данномъ случаѣ виноватъ былъ не законоучитель, а вся та обстановка воспитанія, которая была создана для Александра Павловича самой императрицей Екатериной II. Какъ извѣстно, императрица Екатерина сама начертала планъ воспитанія своего любимаго внука, руководясь модными въ то время идеями Локка и Жанъ-Жака Руссо. Памятникомъ заботъ ея о воспитаніи великаго князя Александра Павловича остались: „Бабушкина Азбука“, собственноручно ею написанная, и „Наставленія“, ею же составленныя для воспитателя его Николая Ивановича Салтыкова[1]). При многихъ несомнѣнно хорошихъ сторонахъ системы воспитанія, усвоенной Екатериною для ея внука, развившей въ Александрѣ Павловичѣ много добраго и возвышеннаго, нельзя не замѣтить въ ней и много несовершеннаго и даже страннаго. Важнѣйшимъ недостаткомъ этой системы воспитанія было отсутствіе религіозно-нравственнаго элемента. Самый составъ воспитателей далеко не благопріятствовалъ развитію этого элемента.

Главный воспитатель великаго князя Александра Павловича, генералъ-аншефъ графъ (впослѣдствіи князь и фельдмаршалъ) Н. И. Салтыковъ, уже по самому свойству своей натуры, не могъ имѣть преобладающаго нравственнаго вліянія на своего царственнаго питомца. По словамъ Грибовскаго и другихъ современниковъ, онъ „почитался человѣкомъ умнымъ

---

[1]) О воспитаніи великаго князяАлександра Павловича говорятъ подробно Пыпинъ въ своихъ „Очеркахъ общественнаго движенія при императорѣ Александрѣ I-мъ“ и Богдановичъ въ своей „Исторіи царствованія императора Александра I“.

и проницательнымъ, т. е. весьма твердо зналъ придворную науку, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное; въ дѣлахъ-же собственно ему порученныхъ былъ управляемъ своимъ письмоводителемъ, а въ домашнихъ—неограниченною графинею, раболѣпствовалъ случайнымъ и чуждался впадшихъ въ немилость". На попеченіи такого человѣка лежали заботы о сохраненіи здоровья и нравственномъ воспитаніи августѣйшаго питомца; но самое большее, что могъ онъ сдѣлать въ послѣднемъ отношеніи, это познакомить великаго князя съ не совсѣмъ безупречными въ нравственномъ смыслѣ правилами тогдашней придворной политики, и только [1]). Во всѣхъ отношеніяхъ графъ Салтыковъ принужденъ былъ уступить первое мѣсто человѣку, занимавшему оффиціально положеніе второстепенное, но руководившему въ дѣйствительности дѣломъ воспитанія, восторженному сыну свободной республиканской Швейцаріи, полковнику Ф. Ц. Лагарпу, проникнутому до глубины души либеральными идеями энциклопедической философіи XVIII вѣка [2]). Относясь къ своему царственному воспитаннику съ безусловною преданностію, онъ старался внушить ему все то, что волновало его душу. Гуманныя, но въ то же время отвлеченныя идеи о гражданской свободѣ человѣка, договорномъ происхожденіи обществъ, могуществѣ человѣческаго разума, равенствѣ людей и нелѣпости деспотизма,—идеи, поясняемыя примѣрами, заимствованными изъ латинскихъ и греческихъ писателей: Демосѳена, Плутарха

---

[1]) О Салтыковѣ, какъ воспитателѣ великаго князя Александра Павловича см. „Очерки обществ. движенія при императорѣ Александрѣ I", т. I, гдѣ приведено, между прочимъ, свидѣтельство Грибовскаго, и „Вѣстникъ Европы" 1870 г., т. I стр. 739. 740.

[2]) О Лагарпѣ см. его „Мемуары", изд. въ Парижѣ въ 1864 г.; „Русскій Архивъ" 1866 и 1869 гг.; Русская Старина" 1870 г. и „Очерки обществ. движенія при императорѣ Александрѣ I".

и Тацита, а также англійскихъ и французскихъ философовъ [1]), должны были, по его глубокому убѣжденію, всецѣло вліять на развитіе ума и характера будущаго государя Россіи. Изъ религіозныхъ понятій Лагарпъ могъ сообщить великому князю Александру развѣ только туманное представленіе о Верховномъ существѣ, о какой-то невѣдомой, непостижимой и таинственной силѣ, вліяющей на судьбы міра и людей, и насадить въ душѣ будущаго государя сѣмена масонскаго и мартинистскаго мистицизма [2]).

Ближайшимъ послѣ Лагарпа воспитателемъ Александра Павловича былъ А. Я. Протасовъ. Будучи вѣрнымъ сыномъ православной церкви и строгимъ хранителемъ дворянскихъ традицій, Протасовъ чуждался философскаго духа вѣка и утверждалъ гражданскія чувства не на отвлеченныхъ началахъ нравственности, а на христіанскомъ ученіи и уже сложившихся формахъ русской общественной жизни. Горячо полюбивъ великаго князя, онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ и старался ослабить вліяніе на него Лагарпа [3]). Но консерватизмъ Про-

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 75–94.

[2]) См. Capefigue. La baronne Krüdener, pag. 76: „Наставникомъ царя былъ швейцарскій полковникъ Лагарпъ, имѣвшій связь *съ масонскими ложами и мартинистами*. Подъ его вліяніемъ Александръ слѣдовалъ въ политикѣ очень либеральному направленію“.

[3]) „Русскій Архивъ“ 1866 г., стр. 97. Признавая честность намѣреній Лагарпа, Протасовъ не считалъ осуществленіе ихъ полезнымъ для великаго князя Александра „Je lis souvent, писалъ Протасовъ князю Воронцову въ 1798 году, le nom de l'aimable La Harpe. J'ai, comme vous savez, rendu toujours justice à son savoir, mais jamais à ses sentiments“. Архивъ кн. Воронцова, XV, 124. Въ своихъ запискахъ о воспитаніи великаго князя Александра Протасовъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Александръ Павловичъ, разговаривая о французскихъ дѣлахъ... говорилъ, что равенство между людьми хорошо, и что французскіе дворяне напрасно безпокоятся лишеніемъ сего достоинства, поелику де оно въ одномъ названіи состоитъ, не принося никакой за собою ощутительной пользы Я за долгъ и честь почелъ доказать Его Высочеству несправедливость его по сей матеріи мыслей, видя что *оныя ему вложены человѣкомъ, любящимъ народное правленіе, хотя, впрочемъ, съ честнѣйшими намѣреніями*“ (намекъ на Лагарпа).

тасова естественно не могъ удовлетворить мечтательнаго юношу, которому защищаемые гувернеромъ взгляды казались уже отжившими свой вѣкъ. Къ Протасову великій князь Александръ Павловичъ относился тѣмъ съ большимъ недовѣріемъ, что онъ былъ человѣкъ весьма ограниченный и безхарактерный, подвергавшійся насмѣшкамъ всего двора [1]).

Наконецъ, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, извѣстный писатель, на обязанности котораго лежало преподавать Александру Павловичу россійскую словесность, самъ былъ большимъ поклонникомъ французской философіи и потому дѣйствовалъ только въ духѣ системы Лагарпа, такъ что на урокахъ русской словесности великій князь слушалъ въ сущности тоже, что Лагарпъ излагалъ ему по-французски [2]). Независимо отъ того, Муравьевъ, по примѣру Лагарпа, старался привить своему питомцу ту сентиментальную чувствительность, то умиленіе красотами природы, то полувосторженное, полуплаксивое восхищеніе идеалами человѣческой добродѣтели, безъ серьезнаго намѣренія осуществить ихъ на самомъ дѣлѣ,—которыя были въ его глазахъ обязательною принадлежностію каждаго философски образованнаго человѣка.

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ русскихъ воспитателей не могъ поставить въ надлежащія рамки всеобъемлющее европейское вліяніе Лагарпа на царственнаго питомца. Только отъ своего законоучителя, протоіерея А. А. Самборскаго, великій князь принималъ нѣкоторое умственное и нравственное противоядіе. Онъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ его коллегъ, могъ понять пагубный характеръ вліянія Лагарпа на своего августѣйшаго ученика и менѣе всего могъ согласиться съ его религіозными воззрѣніями и потому прилагалъ всѣ усилія противодѣйствовать тому, что называлъ онъ въ своихъ письмахъ „суевѣріемъ“. По собственному сознанію о. Самборскаго,

---

[1]) Богдановичъ, Исторія царствов. императора Александра I, т. I, стр. 17.

[2]) „Русскій Архивъ“ 1891 г., кн. II, стр. 311.

„труды его оказались не напрасны въ велико-важномъ служеніи, которому самъ Всевышній Творецъ споспѣшествовалъ". Когда Александръ Павловичъ сдѣлался уже императоромъ, Самборскій, отъ 29 декабря 1804 г., писалъ ему: „Единый (Всевышній Творецъ) не допустилъ, дабы я сдѣлался невинною жертвою *страшному суевѣрію!* Нѣтъ надобности входить во всѣ прошедшія подробности, которыя сопряжены суть и съ настоящими. Ваше Императорское Величество были очевидный свидѣтель, что *я не уважалъ своей жизни, противоборствуя богопротивному суевѣрію.* Впрочемъ, никто не можетъ быть столько удостовѣренъ, какъ Вы, Всемилостивѣйшій Государь. Съ какою правотою моея души, съ какою искренностію моего сердца, съ какою пламенѣющею любовію, вѣрностію и всесовершенною преданностію, я всемѣрно старался во все время служить Вашему Императорскому Величеству". Исторія должна быть благодарна протоіерею Самборскому и за то сравнительно малое, что онъ успѣлъ заронить, среди самыхъ сильныхъ неблагопріятныхъ вліяній, въ душу великаго князя и въ чемъ не могутъ отказать ему и его противники. Безъ сомнѣнія, только благодаря вліянію о. Самборскаго развилось и окрѣпло то здоровое и религіозное чувство Александра Павловича, которое съ такою силою возгорѣлось въ его душѣ въ годину страшныхъ испытаній отечественной войны и которое не оставляло его до самой послѣдней минуты жизни. По крайней мѣрѣ самъ императоръ Александръ I о себѣ заявилъ, что „мы во всемъ сходились съ Лагарпомъ, *кромѣ религіи*" [1]).

Мы видѣли, что слабое вліяніе о. Самборскаго на будущаго царя Россіи о. Морошкинъ и проф. Надлеръ ставятъ въ связь съ его яко-бы невысокимъ богословско-образовательнымъ цензомъ и загѣмъ съ предполагаемою нетвердостію его въ православныхъ воззрѣніяхъ. Это уже вопіющая

[1]) Михайловскій-Данилевскій, „Полное собраніе сочиненій", VII, стр. 347.

и оскорбительная для свѣтлой памяти законоучителя императора Александра Благословеннаго несправедливость. По отзыву безпристрастныхъ историковъ, „Самборскій былъ однимъ изъ *образованнѣйшихъ* людей своего времени; но ни знакомство съ философскими сочиненіями энциклопедистовъ, ни долгое пребываніе за границей *не подорвали въ немъ глубокой вѣры въ чистоту православнаго ученія* и любви къ своему народу“ [1]).

Хотя руководствомъ по Закону Божію дѣйствительно предписанъ былъ протоіерею Самборскому „Православный катихизисъ“, составленный для народныхъ училищъ, и на своихъ урокахъ онъ придерживался его общаго плана, тѣмъ не менѣе его солидное богословское образованіе, прочное основаніе которому было положено въ той же Кіевской академіи, откуда вышли знаменитые іерархи-малороссы Екатерининскаго времени—Самуилъ Мисловскій и Георгій Конисскій, а завершеніе достигнуто самообразованіемъ и постояннымъ обращеніемъ съ просвѣщеннѣйшими людьми того времени,—никоимъ образомъ не могло позволить ему ве„вліяніи его на Александра“ ограничиваться одною „областію изученія на память вопросовъ и отвѣтовъ изъ катихизиса и механическаго затверживанія молитвъ“, какъ полагаетъ о. Морошкинъ. Что это такъ,—въ этомъ мы убѣждаемся изъ сохранившихся двухъ рапортовъ о. Самборскаго о характерѣ преподаванія имъ Закона Божія и еще изъ рѣчи, сказанной имъ во время испытанія въ Законѣ Божіемъ великой княжны Александры Павловны. Въ виду особенной важности въ данномъ случаѣ этихъ документовъ приводимъ ихъ въ извлеченіи.

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1891 г. кн. II, стр. 311.—There are few men whom I esteem more than this same Samborski; the degree of respect he meets with here (т. е. въ Петербургѣ) is very great“ писалъ о немъ 13 (24) дек. 1782 г. изъ Петербурга Самуилъ Бентамъ своему брату извѣстному философу Іереміи Бентаму въ Лондонѣ. см. „Рус.-посольск. церковь въ Лондонѣ въ XVIII в.“, стр. 16, прим.

„Съ самаго того времени, какъ великая и премудрая Екатерина благоизволила опредѣлить меня христіанскаго закона учителемъ своимъ любезнѣйшимъ воспитанникамъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Александру Павловичу и Константину Павловичу“,—писалъ протоіерей Самборскій въ одномъ изъ своихъ рапортовъ[1]),—„я непрестанно помышлялъ о *способахъ, коими бы возможно было наиудобнѣйше и вразумительнѣе преподавать истинное познаніе невидимаго Бога, неисповѣдимаго Его Провидѣнія и превосходство и совершенство Евангельскаго закона*; поелику первое впечатлѣніе вещей толь сильно дѣйствуетъ надъ человѣкомъ во всю жизнь его, что оное ничѣмъ почти перемѣниться не можетъ. И оное единственно бываетъ источникомъ пользы и вреда, счастья и несчастья, въ чемъ какъ древніе, такъ и настоящіе неисчетные примѣры насъ увѣряютъ.—*Катихизисъ, употребляемый въ народныхъ училищахъ, предписанъ мнѣ руководствомъ. Превосходный онаго порядокъ начинаетъ познаніе Бога отъ познанія самихъ себя и прочихъ тварей, подлежащихъ нашимъ чувствамъ.* Долговременное и простое изслѣдованіе многоразличныхъ тварей и оныхъ свойствъ и природное Ихъ Высочествъ остроуміе произвело самопроизвольное заключеніе, что оныя твари сами собою сотвориться не могли и что *первоначальный есть и долженъ быть Творецъ*. И какъ Онъ всѣ вещи сотворилъ изъ ничего, единымъ Своимъ всемогуществомъ, то со всякимъ благоговѣніемъ и признали они Его *всемогущимъ*. Вникая хотя юнымъ, но весьма здоровымъ разсудкомъ въ существо, совершенство и связь всѣхъ видимыхъ вещей, усмотрѣли Они, что всѣ оныя вещи премудро сотворены; потому и заключили, не по единому токмо повторительному внушенію, но по собственному своему разсудку, что *Творецъ есть премудрый*.—Похвальное Ихъ Высочествъ любопытство, устремляющееся познавать на-

[1]) Въ сохранившейся черновой рукописи этого рапорта, къ сожалѣнію не означено, кто та особа, на имя которой онъ былъ адресованъ.

чало и конецъ вещей и ежедневное оныхъ вещей употребленіе, удостовѣрило Ихъ, что всѣ видимыя вещи суть сотворены для нашего блага. Отъ сего естественнаго испытанія непосредственно родилась чистѣйшая и несомнѣнная вѣра, что *Творецъ колико есть всемогущъ и премудръ, толико есть и благъ*; отъ сего купно родилась самая чувствительная *первая священная обязанность*: *дабы возлюбить Бога всѣмъ сердцемъ и всею душею.*—Продолжая разсматриваніе сего видимаго міра, усмотрѣли Они непрестанное объ немъ Божіе провидѣніе, усмотрѣли Они и преудивительную связь вещей, а особливо взаимное и неразрывное отношеніе человѣка. Не трудно было возчувствовать Имъ, что всякій человѣкъ по образу внѣшнему и тѣлесному и по свойству внутреннему и душевному есть твореніе совершенно сходственное во всемъ съ Ними, и что единъ человѣкъ разнствуетъ отъ другого единымъ только состояніемъ. Не трудно было узнать Имъ, что всякое состояніе, какъ бы оно низко и мало ни было, есть столь важно и необходимо нужно въ родѣ человѣческомъ, что отнявъ оное отъемлется общественное благо. Сіи убѣдительныя истины воспламенили въ нѣжныхъ Ихъ сердцахъ и *вторую обязанность: дабы возлюбить ближняго какъ самаго себя.*—Посвятивъ тако большую часть времени *естественному Богопознанію* и утвердився въ истинной непоколебимой вѣрѣ, возчувствовавъ и узнавъ свою *непреложную обязанность къ Богу и ближнему*, приступили Ихъ Величества къ *вѣрѣ Евангельской.* Тутъ повстрѣчались Они съ вещами превосходящими понятіе; но когда узнали, что человѣкъ дерзновенно согрѣшилъ и нынѣ согрѣшаетъ противу величества и благости своего Творца, а чрезъ то лишился первобытнаго блаженнаго состоянія, столь подверженъ разнообразнымъ слабостямъ и жестокимъ болѣзнямъ, а паче лютѣйшему совѣсти угрызенію и терзанію, то и признали Они необходимо нужнымъ дабы Премилосердный Творецъ низпослалъ свыше *Посредника*, который бы избавилъ человѣка отъ столь плачевнаго состоянія и

паки присоединилъ его къ Божію величеству и благости. Что присоединеніе сіе инаково быть не можетъ, какъ чрезъ точное исполненіе Евангелія, проповѣданнаго Самимъ Сыномъ Божіимъ, который ради нашего спасенія, сшедъ съ небесъ, вочеловѣчился, распялся и воскресъ со славою.—Какъ сіи, такъ и прочіе *члены вѣры и непостижимыя таинства православныя нашея Церкви воспріяли Они съ отмѣннымъ и превосходящимъ Ихъ возрастъ удостовѣреніемъ, котораго душеспасительные плоды неоднократно уже изъявлены во храмѣ Божіи.*—Всячески старался я, дабы Ихъ Высочества не почитали урокомъ слово Божіе; почему *Они слушали и читали* весьма охотно *Евангеліе съ изъясненіями*, сочиненное для народныхъ училищъ, *прелагая притомъ церковный славянскій діалектъ на обыкновенный россійскій*". Въ заключеніе докладной записки о. Самборскій говоритъ о результатахъ своей законоучительской дѣятельности слѣдующее: „Выше и драгоцѣннѣе самой жизни моей поставляю сей торжественный случай, которымъ могу возвѣстить любезнѣйшему отечеству, что Ихъ Высочествъ *сердца суть расположены ко всякой благостынѣ, что благоугодно есть предъ Богомъ*"...

6 ноября 1796 года скончалась императрица Екатерина II и на престолъ вступилъ сынъ ея Павелъ Петровичъ. Спустя нѣсколько дней послѣ этого событія протоіерей Самборскій вступилъ къ императору Павлу съ рапортомъ слѣдующаго содержанія: „Созерцая во священнѣйшемъ блговоленіи Вашего Императорскаго Величества неусыпные и богоугодные подвиги, стремляющіеся къ утвержденію благословеннаго, кроткаго и всевожделѣннѣйшаго Вашего возшествія на всероссійскій престолъ, не дерзалъ и доселѣ безпокоить Васъ, сердобольнѣйшій Отецъ, начертаніемъ того, что есть ближе всего Вашему нѣжному сердцу, сирѣчь: *донесеніемъ порядка, каковъ былъ наблюдаемъ въ наставленіи христіанскимъ законамъ Вашихъ Порфирородныхъ Дщерей, Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великихъ Княженъ, зѣло возлюбленныхъ отечествомъ.*

Сіе донесеніе со всякимъ благоговѣніемъ, подобающимъ Вашему Освященнѣйшему лицу, съ чистою совѣстію, съ истинною христіанскою радостію и со всесовершенною сыновнею преданностію предлагаю нынѣ Вашему благоразсмотрѣнію. Первое: *Пространный катихизисъ*, выбранный изъ богословіи, преподанной въ юности Вашему Величеству преосвященнѣйшимъ митрополитомъ Платономъ, былъ чтомой многократно съ доказательствами Священнаго Писанія и со всевозможнымъ наблюденіемъ осторожности, дабы непорочныя души Ихъ Высочествъ были предохранены отъ всякихъ предубѣжденій и темныхъ школьныхъ умствованій... Второе: разумъ Ихъ Высочествъ былъ направляемъ *къ познанію таинственныхъ догматовъ* всегда съ чистою вѣрою; а сердце напаяемо было чистѣйшимъ *благонравіемъ естественнымъ и евангельскимъ*, для утвержденія коего *св. Евангеліе было чтено и для лучшаго разумѣнія прелагаемо съ славянскаго языка на обыкновенный*... А какъ во всемъ Евангеліи сильнѣйшія и яснѣйшія доказательства увѣряютъ, что снисходительное воплощеніе Сына Божія, смиренная и убогая Его жизнь и лютѣйшія страданія, нашего дражайшаго Спасителя не имѣли иного конца, какъ единую любовь къ человѣку, то взирая на примѣръ благоутробнаго Наставника, сердца и Ихъ Высочествъ образовались главно *къ благотворенію ближнему, а по превосходству христіанскаго закона и къ любленію враговъ*. Третье: Ихъ Императорскія Высочества Александра Павловна и Елена Павловна *учатъ наизустъ положенія богословскія, расположенныя на вопросы и отвѣты для лучшаго впечатлѣнія въ памяти*... При томъ продолжается постоянно чтеніе *Дѣяній Апостольскихъ и Посланій съ нужнымъ объясненіемъ*. Четвертое: *Церковная исторія* объяснитъ состояніе первенствующей церкви и освященныя преданія и обряды, къ ней принадлежащія. Такожъ покажетъ, какія церкви и по какимъ причинамъ въ продолженіи времени отдѣлились; и какая въ оныхъ находится разность противъ первенствующей

церкви. Все это вмѣстѣ докажетъ, что *грекороссійская церковь никогда не была премѣняема, потому и нынѣ премѣниться не можетъ.*—Утвердясь Ихъ Императорскія Высочества въ сихъ познаніяхъ, конечно, пребудутъ во всю жизнь свою истинными, твердыми и вѣрными Дщерями первенствующей церкви... Но аще каковы, кромѣ вышесказанныхъ правилъ, суть еще потребны, то сіе подлежитъ Вашему высочайшему и благочестивѣйшему расположенію, которому я всесовершенно предалъ себя съ того времени, какъ Ваше Величество узнали и испытали въ достопамятномъ путешествіи прямыя движенія моей души и намѣренія, стремящіяся къ истинному богопочитанію, къ славѣ Вашего Величества и къ пользѣ ближняго".

Наконецъ, въ „Рѣчи, сказанной учителемъ Божьяго закона, протоіереемъ Андреемъ Самборскимъ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны, во время испытанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Павловны", между прочимъ, читаемъ: „Чрезъ вниманіе Ваше (обращеніе къ Александрѣ Павловнѣ), обращенное *на изслѣдованіе самихъ себя и всѣхъ тварей видимыхъ*, возчувствовали Ваше Высочество и удостовѣрились, что *Богъ есть Всемогущій, Премудрый и Преблагій* и что Онъ, будучи во всемъ Всесовершенный, не по нуждѣ, а по единой безпредѣльной любви сотворилъ человѣка, дабы благости Своея сдѣлать причастникомъ; отъ ангелъ малымъ чимъ умалилъ его, славою и честію вѣнчалъ его и поставилъ его надъ дѣлами рукъ своихъ. Познавъ столь великое и блаженное свое преимущество, познали Вы свободно *первую обязанность или заповѣдь: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и всею душею"*. Узнавъ также единообразіе и неразрывный союзъ всѣхъ человѣковъ, признали Вы и *другую обязанность: „возлюбиши ближняго твоего, какъ самого себя"*. Чѣмъ болѣе восходите Вы въ союзъ всѣхъ тварей, паче же человѣка, тѣмъ болѣе Вы были убѣ-

ждены, что Божій Промыселъ необходимо нуженъ человѣку, а особливо когда онъ, преступивъ заповѣдь, впалъ въ крайнее отчаяніе, побуждающее сильно всякаго человѣка желать себѣ спасенія, каковое спасеніе и обрѣтается явственно въ *вѣрѣ Евангельской*, въ вѣрѣ, соединявшей насъ съ Самимъ Богомъ и содѣлавшей насъ совершенно блаженными въ настоящей и будущей жизни.—Соединеніе же сіе духовное бываетъ чрезъ совершеніе непостижимыхъ *Таинствъ*, которыя Самъ нашъ дражайшій *Ходатай и Искупитель Сынъ Божій* благоизволилъ установить *въ Христіанской церкви*. Въ крещеніи человѣкъ соединяется съ Богомъ; это же глаголетъ священное Писаніе: „Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся". Причащеніе же тако: „Ядый мою плоть и піяй мою кровь во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ".—Состояніе же христіанской церкви отъ перваго ея основанія до нынѣшнихъ временъ представилъ я Вашему Императорскому Высочеству, также и несчастныя перемѣны человѣческихъ разномыслій, воспослѣдовавшихъ въ разныя времена по разнымъ причинамъ. И сравнивая Греко-Россійскую церковь съ первымъ самого Спасителя и Апостоловъ его постановленіемъ, должно по всей справедливости сказать, что *Греко-Россійская церковь есть первенствующая, что она никогда не перемѣнялась* и *перемѣняться не можетъ*; *слѣдовательно рожденныя въ ней чада искупленныя святѣйшею Кровью Христовой должны остаться въ ней тверды и непреложны до послѣдняго своего издыханія*".

Какъ видно изъ приведенныхъ документовъ, протоіерей Самборскій былъ далеко не заурядный законоучитель-богословъ, умѣвшій преподать своимъ царственнымъ ученикамъ высокія истины вѣры и нравственности христіанской въ строгой логической связи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ достаточной вразумительности, а не ограничивавшійся одною „областію изученія на память вопросовъ и отвѣтовъ изъ катихизиса и механическаго затверживанія молитвъ". Основныя начала и пріемы

его законоучительской дѣятельности таковы. Сначала онъ старался раскрыть предъ своими высокими учениками и ученицами истины „естественнаго Богопознанія“, а потомъ переходилъ къ разъясненію истинъ „вѣры Евангельской“ или „закона Евангельскаго.“ Выходя изъ мысли о Богѣ, какъ Всемогущемъ, Премудромъ и Всеблагомъ Творцѣ міра, и подтверждая это примѣрами, взятыми изъ окружающей природы, законоучитель старался довести своихъ августѣйшихъ воспитанниковъ и воспитанницъ до познанія первой и священнѣйшей обязанности (или заповѣди) человѣка—искренней любви къ Богу; затѣмъ посредствомъ описанія гармонической связи видимыхъ вещей и взаимныхъ отношеній человѣческихъ, онъ поставлялъ своею задачею возбудить въ ихъ сердцахъ вторую обязанность человѣка—это любовь къ ближнему, какъ самому себѣ. Послѣ этого уже о. Самборскій старался все вниманіе своихъ питомцевъ сосредоточить на важнѣйшемъ догматѣ евангельскаго вѣроученія—на домостроительствѣ человѣческаго спасенія, совершенномъ воплотившимся Сыномъ Божіимъ,—плоды котораго сохраняются въ церкви Христовой въ ея св. таинствахъ. Всѣ эти христіанскія истины Самборскій раскрывалъ на основаніи слова Божія, которое при этомъ ученики и ученицы читали по-славянски и подъ его руководствомъ переводили на обыкновенный русскій языкъ. Для лучшаго запечатлѣнія разъясненныхъ уже богословскихъ положеній въ умахъ учащихся, они должны были въ концѣ концовъ заучивать ихъ и на память. Въ программу Закона Божія, выработанную о. Самборскимъ, помимо сказаннаго, входила, какъ особый отдѣлъ, церковная исторія, характеръ преподаванія которой въ особенности обличаетъ въ законоучителѣ императора Александра Благословеннаго *православнѣйшаго* человѣка.

А между тѣмъ, о. Морошкинъ [1]) и за нимъ проф. Надлеръ [2]) считаютъ протоіерея Самборскаго „удалившимся отъ

[1]) „Іезуиты въ Россіи“, ч. II, стр. 23—25.
[2]) „Вѣра и разумъ“ 1884 г., № 9, стр. 733. 734.

чистоты и духа православія", ссылаясь при этомъ на одно изъ его собственныхъ писемъ къ митрополиту новгородскому и петербургскому Амвросію, въ которомъ самъ о. Самборскій даетъ разумѣть, что о его религіозномъ настроеніи въ духѣ православія ходили слухи, не совсѣмъ благопріятные для него. „Ваше отмѣнное ко мнѣ благоволеніе и вниманіе",—писалъ онъ къ митрополиту,—„оказанныя во всѣхъ случаяхъ и во всѣхъ мѣстахъ, тѣмъ драгоцѣннѣе, полезнѣе и спасительнѣе для меня, что я, какъ внутри любезнѣйшаго моего отечества, такъ и внѣ онаго, *вкушалъ горькіе и опасные плоды страшнаго суевѣрія. Мое рѣшительное повиновеніе благонамѣреннымъ Божіимъ помазанникамъ навлекло на меня различныя толкованія.* Время, содержащее въ себѣ строгое испытаніе всему, исполненіе моего многотруднаго служенія, *одобренія и безпристрастныя свидѣтельства Высочайшихъ лицъ, должны теперь положить единый и ясный смыслъ на оныя многоразличныя толкованія*" [1]). Какъ видно изъ этого письма въ основѣ не совсѣмъ хорошихъ слуховъ, ходившихъ на счетъ православія Самборскаго, лежало ни что другое, какъ зависть, которая вызывалась противъ него благосклонностію къ нему Высочайшихъ особъ. Если же это такъ, то бросать тѣнь, ссылаясь на приведенный документъ, на чистоту православныхъ воззрѣній о. Самборскаго, по меньшей мѣрѣ неосновательно.

Хорошимъ поводомъ для „многоразличныхъ" нареканій на протоіерея Самборскаго могло быть еще и то, что онъ носилъ свѣтскую одежду и брилъ бороду [2]). Живя часто и

[1]) Архивъ канц. петербургскаго митрополита 1806 г., № 385.

[2]) По этому послѣднему обстоятельству вышло у него даже недоразумѣніе съ петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ. Когда въ 1788 году 20 мая духовенство собралось для освященія новоустроеннаго тогда въ г. Софіи (въ Царскомъ Селѣ) собора, первымъ протоіереемъ котораго, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ Самборскій (см. „Сѣверная Почта" 1815 г. № 82), то предъ освященіемъ въ алтарѣ, до прибытія императрицы, произошла размолвка у митрополита Гавріила съ о. Самборскимъ изъ-за бритой его бороды (см. „Записки Храповицкаго" по рукописи П. И. Греча, стр. 63).

подолгу за-границей, гдѣ, какъ извѣстно, наше духовенство носило обыкновенно (да и теперь носитъ) свѣтское платье и брило бороду, о. Самборскій привыкъ къ этой одеждѣ и не измѣнялъ ее и по возвращеніи въ Россію, тѣмъ болѣе, что императрица Екатерина сама повелѣла ему носить такое платье и брить бороду [1]). Несмотря, однакоже, на уклоненіе отъ нѣкоторыхъ изъ принятыхъ въ нашемъ духовенствѣ обычаевъ, протоіерей Самборскій строго держался основныхъ установленій православной греко-россійской церкви, постоянно внушая слѣдовать этому же и своимъ августѣйшимъ питомцамъ, и неоднократно доказывалъ свою ревность къ православію упорною и опасною для него борьбою съ римско-католическимъ духовенствомъ въ Австріи, о чемъ подробно говорить будемъ впереди. Онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ святости церковныхъ таинствъ, и когда приготовлялся къ совершенію Божественной литургіи, то за цѣлые сутки почти ничего не ѣлъ [2]).

Представивъ эти соображенія въ опроверженіе несправедливыхъ и обидныхъ нареканій на свѣтлую личность законоучителя императора Александра I, можно перейти къ изложенію послѣдующихъ событій жизни протоіерея Самборскаго.

Въ 1797 году, при учрежденіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и Опекунства иностранныхъ и сельскаго духовенства, о. Самборскій избранъ былъ членомъ Вольнаго Экономическаго Общества, и ему, какъ любителю и извѣстному знатоку агрономіи, былъ порученъ надзоръ надъ школою земледѣлія, учрежденною тогда же близъ Царскаго Села, на дачѣ Бѣлозеркѣ, гдѣ онъ и жилъ въ лѣтніе мѣсяцы вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, управляя этимъ заведеніемъ, въ качествѣ директора его (до 1799 года) [3]), и не оставляя въ

[1]) „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго“, стр. 15.

[2]) Тамъ же, стр. 16.

[3]) Въ 1798 году изъ Харьковскаго коллегіума были вызваны и поступили

то же время обязанностей законоучителя великихъ княженъ (воспитаніе великихъ князей уже окончилось къ этому времени). Изъ расположенія къ бывшему своему законоучителю и великіе князья навѣщали о. Самборскаго на дачѣ Бѣлозеркѣ, гдѣ старшая дочь его, Анна Андреевна, угощала ихъ чаемъ [1]). Здѣсь же бывалъ у него и старый его знакомый М. М. Сперанскій, въ то время уже чиновникъ генералъ-прокурорской канцеляріи, который лѣтомъ, по обязанностямъ своей службы, часто пріѣзжалъ въ Павловскъ къ своему начальнику, князю Алексѣю Борисовичу Куракину (тогдашнему генералъ-прокурору сената). Въ домѣ протоіерея Самборскаго, на дачѣ Бѣлозеркѣ, произошло и первое знакомство Сперанскаго съ будущею его женою, молодою англичанкою, дочерью одной вдовы, Елизаветой Стивенсъ, которую Самборскій зналъ еще въ бытность свою въ Лондонѣ и даже былъ ея воспріемникомъ [2]), и которая теперь воспитывалась въ частномъ пансіонѣ въ Петербургѣ и по воскресеньямъ и пра-

---

въ Царскосельскую земледѣльческую школу 12 человѣкъ. Изъ другихъ духовныхъ школъ, сколько извѣстно, вызововъ въ эту школу не было. На коллегіумистовъ Самборскій, стоявшій во главѣ этого заведенія, предпочтительно могъ обратить вниманіе просто по чувству, такъ сказать, землячества, какъ на своихъ единоземцевъ (см. нашъ „Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году", Харьковъ, 1895 г., стр. 163)

[1]) Самборскій лишился своей жены еще въ 1794 году. Вскорѣ послѣ этого скончался отъ чахотки, на 22 году жизни, и его любимый сынъ Александръ въ датскомъ городѣ Эльсинорѣ, на пути изъ Петербурга въ Англію, гдѣ онъ учился. По смерти сына, у о. Самборскаго остались двѣ дочери, изъ которыхъ младшая, Софья, вышла замужъ за Василія Ѳеодоровича Малиновскаго, служившаго тогда въ иностранной коллегіи, а съ 19 окт. 1811 г. бывшаго первымъ директоромъ Царскосельскаго лицея, старшая же дочь, Анна, осталась дѣвицею навсегда и постоянно жила съ отцомъ своимъ, замѣняя ему по смерти жены ховяйку въ домѣ.

[2]) По этому случаю Сперанскій, когда испрашивалъ на бракъ свой съ этой дѣвицей благословеніе родителей, писалъ имъ, что, послѣ давняго знакомства съ протоіереемъ Самборскимъ, Провидѣніе соединяетъ ихъ съ нимъ теперь родствомъ (см. „жизнь графа Сперанскаго" барона Корфа, т. I, стр. 72, прим.).

здникамъ пріѣзжала къ своему крестному отцу [1]). Случилось это такъ. Сперанскій имѣлъ обыкновеніе являться къ отцу Самборскому въ вечернюю пору, когда ему было свободно отъ занятій. Кругъ знакомыхъ Самборскаго, сохранившаго по прежней службѣ своей въ Лондонѣ тѣсную связь со многими англичанами, состоялъ наиболѣе изъ людей, говорившихъ обыкновенно на незнакомомъ Сперанскому англійскомъ языкѣ. Однажды, когда уже всѣ сидѣли за ужиномъ, напротивъ генералъ-прокурорскаго чиновника оставалось не занятое мѣсто. Не обративъ на это вниманія среди разговоровъ съ сосѣдомъ, Сперанскій, спустя нѣкоторое время, случайно взглянулъ на пустое прежде мѣсто, гдѣ сидѣла теперь вошедшая незамѣтно для него дѣвушка, которая, при полной свѣжести своихъ шестнадцати лѣтъ и правильной и вмѣстѣ нѣжной красотѣ лица, съ первой же минуты очаровала молодого человѣка. Эта дѣвица и была Елизавета Стивенсъ. „Мнѣ каза-

---

[1]) Самборскій, во время своего пребыванія въ Лондонѣ, имѣлъ случай познакомиться съ швейцарскимъ семействомъ Планта, издавна переѣхавшемъ на жительство въ Англію. Это семейство состояло въ то время изъ двухъ братьевъ и четырехъ сестеръ. Младшая изъ сестеръ Елизавета Андреевна, не смотря на свое блестящее образованіе и другія выдающіяся достоинства, была обречена судьбою на большія лишенія. Полюбивъ сельскаго пастора Генри Стивенса, она бѣжала изъ дому и обвѣнчалась съ нимъ противъ желанія своихъ братьевъ. У мужа не было ничего кромѣ доходовъ отъ его бѣднаго прихода, близъ Ньюкестля, а женѣ родные ея не помогали. Поэтому матеріальное положеніе г-жи Стивенсъ было весьма незавидное; но оно сдѣлалось еще болѣе ужаснымъ, когда, въ 1789 году, умеръ мужъ и она осталась съ тремя малолѣтними сиротами: двумя дочерьми, Елизаветою и Маріанною, и сыномъ Франсисомъ, разслабленнымъ отъ самаго рожденія. Въ этой крайности вдова Стивенсъ, безуспѣшно прибѣгавшая къ разнымъ средствамъ для поддержанія своей семьи, рѣшилась, наконецъ, попытать счастья въ гостепріимной Россіи. Въ 1790 году о Самборскій, уже давно тогда возвратившійся изъ Лондона въ Петербургъ, по связямъ своимъ, скоро помѣстилъ ее гувернанткой въ одномъ изъ первыхъ домовъ того времени въ Петербургѣ—въ домъ графа А. П. Шувалова. Пристроившись такимъ образомъ, Стивенсъ выписала изъ Англіи своихъ дочерей, которыя вскорѣ были опредѣлены ею въ частный пансіонъ („жизнь графа Сперанскаго“, т. I. 67—70).

лось“,—разсказывалъ впослѣдствіи самъ Сперанскій,—„что я *тутъ* впервые въ своей жизни почувствовалъ впечатлѣніе красоты. Дѣвушка говорила съ сидѣвшею возлѣ нея дамою по-англійски и обворожительно-гармоническій голосъ довершилъ дѣйствіе, произведенное на меня ея наружностію. Одна лишь прекрасная душа можетъ издавать такіе звуки, подумалъ я, и если хоть слово произнесетъ на знакомомъ мнѣ языкѣ это прелестное существо, то она будетъ моею женою. Никогда въ жизни не мучили меня такъ сомнѣніе и нетерпѣливость узнать мою судьбу, пока на вопросъ, сдѣланный кѣмъ-то изъ общества по-французски, дѣвушка, закраснѣвшись, отвѣчала тоже по-французски, съ замѣтнымъ, правда, англійскимъ удареніемъ, но правильно и свободно. Съ этой минуты участь моя была рѣшена и, не имѣя понятія ни о состояніи и положеніи дѣвушки, ни даже о томъ, какъ ее зовутъ, я *тутъ же* въ душѣ съ нею обручился...“ Черезъ годъ послѣ этого памятнаго для него ужина въ домѣ протоіерея Самборскаго, именно 3 ноября 1798 года, Сперанскій былъ обвѣнчанъ съ своею „тайно обрученною“ въ церкви преподобнаго Сампсонія страннопріимца на Выборгской сторонѣ въ Петербургѣ [1]).

IV.

Съ начала марта 1793 года и до конца октября 1797 года велись переговоры между шведскимъ и русскимъ дворами по поводу сватовства шведскаго короля Густава IV Адольфа съ великой княжной Александрой Павловной. Но, какъ извѣстно, эти столь продолжительные переговоры не привели къ желанной цѣли. Причиною такой неудачи главнымъ образомъ былъ вѣроисповѣдной вопросъ: русское правительство никакъ не могло согласиться на рѣшительное требованіе шведскаго короля, чтобы его будущая супруга при-

[1]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т 1, стр. 70—72.

няла и лютеранское вѣроисповѣданіе [1]). Черезъ два года послѣ этого (19 окт. 1799 г.) 16-лѣтняя великая княжна Александра Павловна [2]) вступила въ бракъ съ эрцгерцогомъ австрійскимъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ (угорскимъ), безъ обязательства перемѣнить свою православную вѣру. При этомъ императоръ Павелъ I назначилъ протоіерея Самборскаго состоять при великой княгинѣ домовымъ священникомъ и духовникомъ, пожаловавъ ему орденъ св. Анны перваго класса [3]).

Однако не на радость вышла замужъ Александра Павловна: въ замужествѣ этомъ она прожила всего 15 мѣсяцевъ [4]), испытавъ такія огорченія, которыя могли бы сломить и всякую другую болѣе крѣпкую натуру, нежели эту совсѣмъ еще юную женщину. Ея русское происхожденіе и высокое положеніе въ свѣтѣ, съ одной стороны, ея благосклонность, доступность, кротость, ласковое обращеніе со всѣми

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1887 г., кн. I, стр. 59—98.

[2]) Она родилась 29 іюля 1783 года.

[3]) „Сѣверная Почта“ 1815 г. № 82.—Императоръ Павелъ, какъ извѣстно, первый изъ русскихъ государей, началъ давать ордена лицамъ духовнаго званія. Это нововведеніе многимъ тогда не понравилось. Люди, преданные старинѣ, отнеслись съ неудовольствіемъ къ этому, въ сущности, невинному нововведенію. Такъ, при восшествіи на престолъ Павла Петровича, Платонъ, митрополитъ московскій, долженствовавшій вмѣстѣ съ Гавріиломъ, митрополитомъ новгородскимъ, совершать священный обрядъ вѣнчанія на царство новаго государя, чуть было не разсорился съ прежнимъ своимъ августѣйшимъ ученикомъ за возлагаемый на него противъ его желанія орденъ св. Андрея Первозваннаго. Обиженный отказомъ его Государь, выслушавъ возраженія Платона, перебилъ его рѣчь при многихъ свидѣтеляхъ и, послалъ рукою поцѣлуй, сказалъ ему: „прощайте, съ Вами не сговоришь“. Другой разъ митрополитъ Платонъ при письмѣ возвратилъ Павлу присланный отъ него александровскій орденъ, сказавъ, что „при божественномъ на груди его знакѣ Господа Іисуса Христа другіе свѣтскіе знаки отличія не могутъ быть совмѣстны“; но императоръ съ гнѣвомъ и угрозами принудилъ его принять орденъ (см. Записки Шишкова, т. I, стр. 85. 86.). Точно также митрополитъ Гавріилъ надѣлъ на себя андреевскій орденъ только послѣ того, какъ получилъ рѣшительное приказаніе Государя. Быть можетъ протоіерей Самборскій, удостоившійся пожалованія ордена св. Анны I степени, подвергался извѣстнымъ нарекапіямъ и за пожалованную ему звѣзду.

[4]) Она умерла, 16 марта 1801 года.

и миловидность [1]), съ другой—сразу обратили на нее общее вниманіе въ Венгріи, особенно православнаго ея населенія, и снискали ей всеобщую любовь, которая и была, кажется, главнѣйшею причиною ея ранней кончины. Носилась молва, что чрезмѣрная преданность благородныхъ венгровъ эрцгерцогинѣ австрійской возбудила въ вѣнскомъ дворѣ опасеніе, чтобы, при участіи могущественной Россіи въ судьбѣ супруги венгерскаго палатина, Венгрія не отдѣлилась отъ Австріи и не сдѣлалась особымъ королевствомъ [2]), и что огорченія, претерпѣваемыя эрцгерцогинею въ этомъ отношеніи, разстроили ея здоровье, а наконецъ и преждевременно свели ее въ могилу [3]).

О. Самборскій, весьма подробно и трогательно описавшій пребываніе и особенно кончину великой княгини Александры Павловны въ Венгріи [4]), оставался тамъ, въ г. Буда-Пештѣ или Офенѣ, мѣстопребываніи венгерскаго палатина, при великой княгинѣ до послѣдней минуты ея недолгой жизни. Самборскій окружалъ ее всевозможными доказательствами своей беззавѣтной преданности и напутствовалъ ее духовными утѣшеніями. Въ бытность свою въ Вѣнѣ великая княгиня Александра Павловна почувствовала себя беременною. Въ беременности обыкновенно бываетъ позывъ на разныя кушанья. Палатинъ, отвлеченный отъ больной супруги дѣлами по приготовле-

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1891 г., кн. II, стр. 304.

[2]) Извѣстно, что въ 1795 году открытъ былъ политическій заговоръ въ Венгріи. Вожди его—епископъ Іосифъ-Игнатій Мартиновичъ, Сигрaй, Гайтноци, Лацковичъ и Семмаріай, были казнены. Они замышляли совершенно отложиться отъ Австріи, образовать изъ Венгріи самостоятельное государство и возвести на престолъ тогдашняго палатина венгерскаго, эрцгерцога австрійскаго Александра-Леопольда. По открытіи заговора эрцгерцогъ оставилъ Венгрію и въ началѣ іюля 1795 г. пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ вскорѣ и скончался. Мѣсто венгерскаго палатина занялъ въ 1795 году братъ умершаго Леопольда, эрцгерцогъ Іосифъ, женившійся на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Стремленіе венгровъ къ отдѣленію отъ Австріи могло обнаружиться и во время пребыванія тамъ русской великой княгини, на которую возлагали всѣ свои лучшія надежды единовѣрныя намъ славянскія племена, находившіяся въ Венгріи подъ австрійскимъ игомъ.

[3]) См. сочиненія Державина, 2 академ. изд., II, стр. 368—374.

[4]) См. „Памятники новой русской исторіи“, т. II, стр. 53—67, ср газету „День“ 1862 г.

нію венгерскаго войска въ виду нашествія французовъ, далъ приказаніе своему оберъ-гофмейстеру доставлять палатинѣ все самое лучшее и по вкусу. Оберъ-гофмейстеръ, вѣрный послѣдователь австрійской политики[1]), въ свою очередь далъ приказаніе комиссару, а комиссаръ, наблюдая собственную выгоду, подносилъ великой княгинѣ такія кушанья, которыхъ она никакъ не могла употреблять. Въ такомъ положеніи Александра Павловна рѣшилась обратиться за содѣйствіемъ къ о. Самборскому; она пожелала въ одно время покушать свѣжей рыбы... Самборскій тотчасъ же самъ отправился на рынокъ, купилъ рыбы и, перемѣняя часто при переноскѣ ея свѣжую воду, представилъ предъ ея глаза животрепещущую рыбу; она была весьма довольна. Дочь его, Анна Андреевна, состряпала блюдо по ея вкусу, и великая княгиня поѣла въ сытость. „Такимъ образомъ“, — пишетъ Самборскій,—„я имѣлъ счастье исправлять должность вѣрнаго комиссара, а дочь моя преусердной поварихи“. Другой разъ протоіерей Самборскій постарался устранить всѣ препятствія, которыя хотѣли противупоставить желанію великой княгини Александры Павловны говѣть. Дѣло было такъ. За недѣлю до разрѣшенія отъ бремени, великая княгиня вознамѣрилась исповѣдываться и причаститься св. Таинъ, чтобы достойнымъ образомъ приготовиться къ предстоящему испытанію. Вѣнскіе акушеры противодѣйствовали этому, указывая на то, что она, проходя въ церковь чрезъ нѣсколько комнатъ, легко можетъ простудиться и что такое священнодѣйствіе можетъ вызвать опасное для ея здоровья смущеніе духа. О. Самборскій на это

---

[1]) Во главѣ всемогущей тогда австрійской политической партіи, отличавшейся ненавистію къ Россіи, стояла императрица Тереза, супруга слабохарактернаго императора Франца II, дочь извѣстной неаполитанской королевы Каролины. Гордая неаполитанка показала свое нерасположеніе къ русской великой княгинѣ уже тѣмъ, что почти ежедневно проѣзжая мимо ея квартиры (въ то время Александра Павловна была въ Вѣнѣ), ни разу не освѣдомилась о состояніи ея здоровья, хотя и слышала о трудной ея беременности.

возразилъ, что, не подвергая великую княгиню Александру Павловну опасности перемѣннаго воздуха, онъ освятитъ причастіе въ церкви, принесетъ его въ тронную залу, гдѣ, по совершеніи исповѣди и прочтеніи положенныхъ молитвъ, великая княгиня причастится безъ всякой опасности для своего здоровья. Александра Павловна исповѣдывалась и причастилась св. Таинъ, послѣ чего, къ удивленію однихъ и къ утѣшенію другихъ, въ душѣ ея водворилось спокойстіе, ясно отразившееся и въ ея лицѣ. Наступило время разрѣшенія отъ бремени. Послѣ весьма продолжительныхъ и мучительныхъ родовъ великой княгини, младенецъ—дочь ея жила только нѣсколько часовъ, и когда доктора поручили о. Самборскому увѣдомить ее о смерти новорожденной принцессы, то сердобольная мать не была поражена этимъ печальнымъ извѣстіемъ, но съ спокойнымъ духомъ перекрестилась и твердымъ голосомъ сказала своему духовному отцу: „Благодареніе Богу, что моя дочь переселилась въ число ангеловъ, не вкусивъ тѣхъ горестей, которымъ мы здѣсь подвержены“!

Римско-католическое духовенство въ Венгріи всячески старалось прельстить русскую великую княгиню къ уніи съ папизмомъ, а когда Александра Павловна скончалась, то распустило ложную молву, что будто-бы она, предъ своею смертію, признавъ заблужденіе своей церкви, перешла въ ихъ вѣроисповѣданіе. Всѣ эти старанія папистовъ клонились къ тому, чтобы принудить славянскія племена, жившія въ Австріи, отречься отъ православія и, по примѣру яко бы русской великой княгини, присоединиться къ римско-католической церкви. При такихъ обстоятельствахъ протоіерей Самборскій не могъ не вступить съ римско-католическимъ духовенствомъ въ упорную борьбу, изъ которой, къ счастію, онъ вышелъ побѣдителемъ.

Еще до прибытія изъ Россіи невѣсты венгерскаго палатина римско-католическая церковь уже было приготовила всѣ возможные способы къ принятію ея въ свои объятія.

Оберъ-гофмейстеръ палатинова двора устроилъ было для русской великой княгини церковь по католическому обряду и поручилъ ее вѣдѣнію одного греческаго епископа. Этотъ епископъ въ свое время игралъ недостойную роль шпіона въ Бѣлградѣ, откуда бѣжалъ въ Австрію, гдѣ и получилъ въ управленіе офенскую (будимскую) греко-славянскую епархію. Какъ членовъ королевскаго совѣта, такъ и другихъ знатныхъ особъ, онъ старался увѣрить, что россійская церковь во многомъ отступила отъ греческой и потому нуждается въ радикальныхъ реформахъ. Подъ этимъ предлогомъ онъ всячески домогался самъ совершать въ русской придворной церкви богослуженіе, быть духовникомъ великой княгини и тѣмъ способствовать скорѣйшему присоединенію ея къ папизму [1]); къ тому же самому стремился и богатый князь Батіани, кардиналъ и венгерскій примасъ. Значительную часть своихъ доходовъ онъ употреблялъ на поднесеніе великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ разныхъ дорогихъ подарковъ, кромѣ того купилъ близъ города роскошный садъ и подарилъ его палатину въ тѣхъ видахъ, чтобы почаще имѣть возможность вести наединѣ съ великою княгинею бесѣды о присоединеніи ея къ римской церкви. Въ томъ же родѣ дѣйствовали и многіе другіе. На такихъ своихъ докучливыхъ соблазнителей часто жаловалась о. Самборскому великая княгиня. Она повелѣла своему духовному отцу устроить во дворцѣ собственную художественно расписанную церковь, которая была подарена ей августѣйшими родителями. Когда протоіерей Самборскій установлялъ этотъ иконостасъ на мѣсто католической церкви, паписты не задумались пустить противъ него дерзкую клевету, что будтобы онъ, разодравъ ихъ иконостасъ, топталъ его ногами и съ

[1]) Но вскорѣ этотъ епископъ потерялъ прежнее всеобщее довѣріе, пріобрѣтенное коварствомъ и осужденъ былъ на изгнаніе изъ епархіи. Покровительствовавшій ему досель оберъ-гофмейстеръ предложилъ было о. Самборскому принять епископскій санъ, съ содержаніемъ 62 тысячъ флориновъ, но Самборскій отказался.

презрѣніемъ выбросилъ за порогъ. „Для отвращенія таковыхъ страшныхъ поношеній“,—пишетъ о себѣ Самборскій,—„заключилъ я себя въ четырехъ стѣнахъ, почти годъ не имѣя ни съ кѣмъ обращенія, кромѣ моей церковной должности“.

Гораздо энергичнѣе боролся о. Самборскій противъ римско-католическаго духовенства по смерти великой княгини Александры Павловны. Для опроверженія наглой лжи, распущенной папистами, что русская великая княгиня, предъ своею кончиною, присоединилась къ ихъ церкви, протоіерей Самборскій не допустилъ заключить гробъ ея въ тѣсное капуцинское кладбище [1]), а также рѣшительно воспротивился сильному желанію католическихъ епископовъ участвовать съ своею музыкою въ погребальной процессіи при перенесеніи августѣйшаго гроба изъ дворца во временно-устроенную имъ подвижную церковь [2]), гдѣ онъ въ теченіе шести недѣль служилъ ежедневно заупокойную литургію. Перенесеніе тѣла покойной великой княгини Александры Павловны совершилось при многочисленномъ стеченіи народа, безутѣшно оплакивавшаго преждевременную кончину юной, обожаемой своей покровительницы. Народная скорбь выражалась такъ громко, что когда гробъ, все время предшествуемый о. Самборскимъ со св. Евангеліемъ и кадиломъ, былъ наконецъ поставленъ въ церкви, невозможно было начать богослуженія, пока не утихли рыданія и вопли.

Такое-же противодѣйствіе оказалъ протоіерей Самборскій папскимъ приспѣшникамъ и при послѣдующемъ перенесеніи августѣйшаго гроба и совершеніи отпѣванія въ часовнѣ капуцинскаго кладбища, гдѣ запечатанный гробъ оставался до окончательнаго перенесенія его во вновь сооруженную

---

[1]) Это былъ небольшой темный погребъ подъ капуцинскою церковію, имѣвшій входъ съ площади, на которой торговки продавали лукъ, чеснокъ и всякую зелень, и что оставалось отъ продажи, то онѣ въ этомъ погребѣ хранили, отъ чего тамъ былъ нестерпимый воздухъ.

[2]) Въ четырехъ верстахъ отъ города, въ саду, подаренномъ покойной палатинѣ послѣ родовъ ея супругомъ.

православную церковь. Оберъ-гофмейстеръ оффиціально предписалъ Самборскому: „Народъ ропщетъ, что доселѣ августѣйшая персона не погребена: чтобы сію печальную церемонію окончить *въ наивеличайшемъ инкогнито, разумѣется, ночью и безъ всякихъ почестей*“. На это о. Самборскій отвѣчалъ, что онъ „готовъ во всякое время запечатлѣть Ея Высочества гробъ послѣдними погребальными молитвами и земною перстію, по обряду православной церкви, въ которой Ея Высочество и крещена св. крещеніемъ; *найвеличайшее же инкогнито не принадлежитъ сему августѣйшему лицу*, ибо цѣлому свѣту извѣстно, что Ея Высочество дочь Всероссійскаго Императора (нынѣ покойнаго) и сестра Всероссійскаго же Императора, нынѣ царствующаго“. Опасаясь гнѣва русскаго двора, оберъ-гофмейстеръ отмѣнилъ инкогнито и согласился, чтобы гробъ былъ препровожденъ въ капуцинское кладбище днемъ и съ подобающею честію. Протоіерей Самборскій, сопровождавшій августѣйшій гробъ, при входѣ въ упомянутое кладбище, окропилъ его святою водою. Это поставлено было ему въ большое преступленіе римско-католическимъ духовенствомъ, собравшимся тамъ съ тѣмъ, чтобы встрѣтить и принять гробъ по своему обряду. Видя ихъ намѣреніе, Самборскій оставался у гроба, читая тихимъ голосомъ нѣкоторыя молитвы до тѣхъ поръ, пока паписты со злостію не разошлись. Несмотря на всѣ препятствія, чинимыя капуцинами, о. Самборскій и здѣсь совершалъ, по обряду нашей церкви, панихиды по усопшей великой княгинѣ, во свидѣтельство всѣмъ, что она и по смерти своей, какъ и при жизни, пребыла въ лонѣ греко-россійской церкви.

Для предотвращенія непріятностей, могущихъ послѣдовать отъ императора Павла, оберъ-гофмейстеръ на другой же день смерти русской великой княгини представилъ палатину проектъ, чтобы построить въ недавно купленной деревнѣ, Иромѣ, въ 10 верстахъ отъ Офена, православную церковь, въ которую бы перенесть гробъ изъ города. Въ то же время онъ

поручилъ Самборскому осмотрѣть эту мѣстность. О. Самборскій нашелъ, что деревня Иромъ, какъ удаленная отъ столицы, не можетъ соотвѣтствовать достоинству русской великой княгини и что гораздо лучше было бы построить церковь надъ гробомъ въ собственномъ Ея Высочества саду. Тѣмъ не менѣе православная церковь была построена не близъ города, но въ захолустной деревнѣ и не такъ, какъ было представлено въ проектѣ къ русскому двору, но въ видѣ надгробной пирамиды, и столь стѣсненной внутри, что ни иконостасъ, пожалованный русскимъ императоромъ, не могъ вмѣститься [1]), ни священникъ въ алтарѣ не могъ ходить свободно вокругъ престола. Сдѣлано это было для того, чтобы, по перенесеніи гроба изъ капуцинскаго кладбища, запереть церковь и прекратить богослуженіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ положить конецъ той преданности, какую народъ, приходившій въ церковь помолиться, выражалъ покойной палатинѣ [2]). Но твердость и ревность Самборскаго къ поддержанію достоинства православной

---

[1]) Поэтому изъ иконостаса были исключены шесть намѣстныхъ иконъ, которыя съ трудомъ помѣстились въ тѣсномъ алтарѣ.

[2]) Это обстоятельство, равно какъ и вообще вѣсть о скоропостижной смерти великой княгини Александры Павловны, такъ мало жившей на свѣтѣ и такъ много пострадавшей, произвели въ Россіи въ свое время самое тяжелое впечатлѣніе. Общее негодованіе къ австрійской политикѣ, возбужденное въ русскомъ обществѣ извѣстнымъ обращеніемъ вѣнскаго двора съ Суворовымъ, спасителемъ Австріи, ожило тогда въ Россіи съ новою силою. Стихотвореніе Державина „Эродій надъ гробомъ праведницы“ довольно наглядно воспроизводитъ это негодованіе русскаго общества. Вотъ нѣсколько наиболѣе характеристическихъ стиховъ:

Прочь, фурья зависти, отъ гроба
Блаженной и не смѣй взглянуть
Ты на него, когда внутрь злоба
Твою терзаетъ тайно грудь!
Теките жъ къ праведницы гробу,
О, влахъ и сербъ, близнецъ славянъ
И, презря сокровенну злобу,
Ея лобзайте истуканъ,
Клянясь предъ Всемогущимъ Богомъ

церкви и августѣйшаго гроба превозмогли всѣ препятствія: онъ убѣдилъ венгерскаго палатина присутствовать при освященіи новоустроеннаго храма, чему сильно противодѣйствовали паписты. Это присутствіе палатина необходимо было потому, что чрезъ это онъ далъ нашей православной церкви право свободнаго богослуженія, которое было запрещено предписаніемъ оберъ-гофмейстера. Впрочемъ, самое перенесеніе гроба великой княгини въ русскую церковь совершено было не такъ, какъ бы слѣдовало, со всѣми почестями, принадлежащими достоинству Ея Императорскаго Высочества, но гробъ перевезенъ былъ на разсвѣтѣ, самимъ оберъ-гофмейстеромъ, въ сопровожденіи только немногихъ придворныхъ служителей и небольшого коннаго отряда солдатъ. Для постояннаго совершенія богослуженія въ Иромской церкви, сооруженной надъ августѣйшимъ гробомъ, въ помощь протоіерею Самборскому, жаловавшемуся уже въ то время на свою старческую слабость, по его представленію, назначенъ былъ русскимъ правительствомъ, состоявшій при Туринской миссіи и жившій то-

---

Симъ вамъ и намъ святымъ залогомъ,
Что нѣкогда предъ нимъ вашъ мечъ
Въ защиту вѣры обнажится..
Какъ урны глиняны, скудельны,
На круговратной зиждясь доскѣ,
И зданья, буйно возвесены
На рыхлосыпчатомъ пескѣ,—
Такъ точно всѣ чрезъ коварство
Распространившіяся царства
И козньми славныя страны
Въ коротко время разрушатся,
Страстьми своими сокрушатся,
И слѣдъ ихъ будетъ мѣстомъ тьмы...
Врожденно русскимъ есть геройство,
И ваше намъ подобно свойство;
Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!
Не раздѣляетъ тѣхъ пространство,
Въ комъ кровь и умъ, и духъ одинъ.

гда въ Тріестѣ, священникъ Николай Васильевичъ Музовскій [1]). Онъ же остался и преемникомъ о. Самборскаго.

Паписты распространяли молву о присоединеніи великой княгини Александры Павловны къ римской церкви, не только въ Австріи, но и въ другихъ странахъ. По крайней мѣрѣ, во время пребыванія Самборскаго въ Яссахъ, митрополитъ молдавскій, со слезами на глазахъ, просилъ его сказать ему всю правду касательно этой молвы. О. Самборскій постарался убѣдить опечаленнаго митрополита—старца, что это наглая ложь. Для вящшаго же удостовѣренія въ томъ, что русская великая княгиня скончалась въ лонѣ православной церкви и погребена по ея святому обряду, протоіерей Самборскій заказалъ картину, на которой художественно изображены: усопшая великая княгиня во гробу, окруженномъ свѣтильниками, о. Самборскій въ полномъ облаченіи, совершающій на литургіи большой выходъ со св. дарами, пѣвчіе и нѣсколько присутствовавшихъ лицъ. Внизу картины изображенъ православный Иромскій храмъ, окруженный кипарисами, оливами, лаврами и миртами [2]), съ надписью: „Его Королевское Высочество Венгерскій палатинъ Іосифъ своимъ самоличнымъ присутствіемъ въ ономъ отверзъ входъ всѣмъ безызъятно и далъ право свободнаго богослуженія“. Картина эта была гравирована въ Вѣнѣ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпля-

---

[1]) Архивъ канц. петерб. митрополита 1803 г., № 299.—В. Б. Броневскій, черезъ десять лѣтъ по смерти великой княгини Александры Павловны посѣтившій бывшій дворецъ венгерскаго палатина и описавшій это въ своей книгѣ: „Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга въ 1810 году“, (Москва, 1828 г.), о свящ. Н Музовскомъ говоритъ слѣдующее: „Отецъ Николай заслужилъ здѣсь великое уваженіе. Крестьяне протестантскаго исповѣданія приходятъ къ нему изъ дальнихъ деревень, онъ читаетъ имъ Евангеліе на нѣмецкомъ языкѣ; по праздникамъ же посѣщаютъ церковь его добрые сербы изъ сосѣднихъ деревень“. Впослѣдствіи о. Музовскій былъ оберъ-священникомъ, духовникомъ императора Николая Павловича, законоучителемъ императрицы Александры Ѳеодоровны (до замужества) и великой княгини Елены Павловны, и членомъ св. Синода, умеръ въ 1848 году; ему преемствовалъ протоіерей Василій Борисовичъ Бажановъ.

[2]) Всѣ эти деревья вокругъ церкви были насаждены Самборскимъ.

ровъ, которые Самборскій раздавалъ всѣмъ, начиная съ вѣнскаго двора и венгерскаго палатина до бѣднѣйшихъ жителей-славянъ. Раздавалъ онъ эти картины и въ Россіи; между прочимъ, въ покояхъ московскаго митрополита Платона хранится одна изъ этихъ картинъ, съ надписью, свидѣтельствующею о глубокомъ уваженіи митрополита къ протоіерею Самборскому [1]).

Такова была дѣятельность протоіерея Самборскаго въ Венгріи по охраненію достоинства августѣйшаго гроба и православной церкви. За такую дѣятельность о. Самборскій, предъ отъѣздомъ своимъ въ Россію, удостоился получить отъ Его Королевскаго Высочества венгерскаго палатина и главнаго его министра Кобенцеля весьма лестныя письма, свидѣтельствующія о высокомъ уваженіи къ нему со стороны лучшихъ людей Венгріи. „Многоуважаемый мой отецъ“! писалъ къ нему палатинъ,—„я съ удовольствіемъ получилъ Ваше письмо изъ Ирома отъ сего $^{11}/_{23}$ мая (1804 г.), въ которомъ Вы просите меня дать Вамъ свидѣтельство въ томъ, какъ Вы проходили обязанности своего священнаго служенія. Я исполняю Ваше справедливое желаніе съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что не только моя покойная незабвенной памяти [2])

---

[1]) Въ оригиналѣ эта картина находится въ часовнѣ, бывшей домовой церкви протоіерея Самборскаго, въ с. Стратинатовьѣ.

[2]) Венгерскій палатинъ горячо любилъ покойную свою супругу, въ моментъ ея кончины онъ упалъ безъ чувствъ возлѣ смертнаго одра, такъ что его вынесли какъ мертваго, а когда пришелъ въ себя, то, для облегченія гложущей сердце скорби, отправился на богомолье по монастырямъ. Дворецъ свой въ Офенѣ, по смерти Александры Павловны, палатинъ навсегда оставилъ. Броневскій, посѣтившій этотъ дворецъ послѣ смерти палатины, пишетъ: „Во дворцѣ мебель всѣ вещи сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были при жизни Александры Павловны. Такъ, на открытомъ фортепіано лежала тетрадь русскихъ арій, эрцъ-герцогъ замѣтилъ своею рукою пѣсню. „Ахъ, скучно мнѣ на чужой сторонѣ“, которую супруга его пѣла въ послѣдній разъ въ жизни“ (см. „Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга въ 1810 году“.

свѣтлѣйшая супруга всегда была въ высшей степени довольна той особенной ревностію, съ которою Вы предались исполненію всѣхъ своихъ обязанностей и Вашимъ образцовымъ совершеніемъ божественнаго служенія, но также и вслѣдствіе того, что послѣ плачевной смерти блаженной памяти супруги моей Вы съ тѣмъ же самымъ благорасположеніемъ и благочестіемъ отправляли священнослуженіе въ церкви, такъ что мое сердце испытало отъ этого полное удовлетвореніе. Итакъ, давая Вамъ это вполнѣ заслуженное Вашимъ похвальнымъ поведеніемъ при исполненіи своихъ обязанностей свидѣтельство, желаю Вамъ отъ всей души всегдашняго благополучія и съ благорасположеніемъ къ Вамъ, мой многоуважаемый отецъ, пребываю благосклонный Іосифъ палатинъ". А вотъ письмо венгерскаго министра: „Милостивый Государь! Въ тотъ моментъ, когда повелѣнія Его Величества, Императора Всероссійскаго, вынуждаютъ Васъ оставить обязанности, которыя Вы исполняли въ Будѣ, я уполномоченъ отъ имени моего господина (венгерскаго палатина) засвидѣтельствовать Вамъ его полное довольство Вашимъ поведеніемъ здѣсь, а также сожалѣніе по случаю Вашего отъѣзда. Исполняя волю Его Королевскаго Высочества, я въ то же время пользуюсь этимъ случаемъ для того, чтобы снова увѣрить Васъ въ полномъ моемъ уваженіи, въ которомъ я имѣю честь оставаться, Милостивый Государь, Вашимъ нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою. Людовикъ К. Кобенцель" [1]). Помимо этого благосклонность венгерскаго палатина Іосифа къ духовному отцу покойной своей супруги выразилась еще въ томъ, что онъ назначилъ ему отъ себя пенсію въ 2,000 рублей.

Вспоминая о своей дѣятельности въ Венгріи по охраненію достоинства православной церкви и августѣйшаго гроба отъ нападеній на нихъ со стороны австрійскихъ политиковъ

[1]) Оба эти письма приведены нами съ французскаго языка.

и папистовъ, протоіерей Самборскій въ письмѣ своемъ (отъ 29 декабря 1804 г.) къ императору Александру Павловичу говоритъ слѣдующее: „Еще при жизни Ея Императорскаго Высочества, Богомъ и народомъ возлюбленныя безсмертныя Александры Павловны, Вашего Величества вселюбезнѣйшей сестры, чувствовалъ я всю тягость *немилосерднаго суевѣрія и коварной политики*. По смерти Ея, вящше и вящше многія покушенія были изобрѣтаемы ко уничтоженію нашей *Православной Грекороссійской церкви и Августѣйшаго гроба*. Но я съ Божіею помощію и всесильнымъ Вашего Императорскаго Величества вліяніемъ *сохранилъ достоинство обоихъ*. Сіе я долженъ былъ исполнить, какъ для священной и вѣрной Вашему престолу моей присяги и душевнаго моего къ Вамъ расположенія, такъ и для утѣшенія единовѣрныхъ, составляющихъ нѣсколько милліоновъ, которые, прибѣгая къ Августѣйшему гробу, омываютъ оный и до днесь слезами и въ горести вопіютъ: се Наша царица! се Наша мати! се Наша твердая надежда, которую сія обитающая на небеси святая душа оставила, аки священное наслѣдіе ко избавленію нашему, Благочестивѣйшему Александру, своему единоутробному брату! Прочіе сихъ единовѣрцевъ глаголы и мои подвиги прекращаю тѣмъ, что все продолженіе моего священнослуженія увѣнчано сверхъ моего начертаннымъ достохвальнымъ и соотвѣтствующимъ моей ревности свидѣтельствомъ Его Королевскаго Высочества Венгерскаго палатина Іосифа (приведеннымъ нами выше), препровоженнымъ мною изъ Вѣны къ Вашему Величеству (вмѣстѣ съ письмомъ къ императору отъ 14 іюня 1804 г.), а потомъ утвержденнымъ Его Величествомъ Королемъ Венгерскимъ, купно съ даромъ брильянтоваго перстня, котораго утвержденія копію прилагаю при семъ съ подобающимъ благоговѣніемъ“.

Въ подобныхъ же выраженіяхъ протоіерей Самборскій характеризуетъ эту свою дѣятельность въ Венгріи и въ письмѣ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (отъ 26 октября 1805 г.)

„Не дерзнулъ бы я отнимать“,—пишетъ онъ императрицѣ,— „драгоцѣнныхъ Вамъ минутъ, для прочтенія сего моего всеподданническаго начертанія, которое, натурально, можетъ нарушить спокойствіе Вашего духа воспоминаніемъ прошедшихъ печалей, но обстоятельства принуждаютъ, какъ для точнаго оныхъ Вашему Величеству представленія, о чемъ и въ прежнихъ Вашихъ Всемилостивѣйшихъ писаніяхъ было мнѣ предписано, такъ и для сохраненія того Вашего матерняго благоволенія, которое я почитаю превыше моей жизни. Благоугодно было Вашему Императорскому Величеству препоручить въ мое духовное попеченіе Вашу Вселюбезнѣйшую Дщерь, Безсмертную Александру Павловну, и нашу Православную Грекороссійскую церковь. Съ Божіею помощію и Вашимъ всесильнымъ вліяніемъ, *сохранилъ я достоинство какъ Августѣйшаго гроба, такъ и святой церкви.* И какъ сіи два великоважные предметы остались для всѣхъ будущихъ временъ священнымъ залогомъ между Венгріею и Россіею, а при томъ, сверхъ чаянія, содѣлались защитою и духовнымъ утѣшеніемъ нѣсколькихъ милліоновъ единовѣрныхъ намъ сербовъ, то я *во всякихъ опасностяхъ готовъ былъ жертвовать моею жизнію ко утвержденію онаго достоинства.* Да въ надлежащей мѣрѣ сохранится оное достоинство, молитъ Васъ, сердобольнѣйшая мати, безмолвный Августѣйшій гробъ! Тѣмъ паче, что онъ обладаемъ не только единовѣрными сербами, но и сообществами евангельской и реформатской церквей, даже и папистами любящими свое отечество. Они всѣ вѣрили, что Божій промыслъ послалъ имъ Венгерскую палатину для избавленія отъ австрійскаго угнетенія. По таковому ихъ сердечному расположенію, навѣрно можно считать ихъ приверженными искренно къ Россійскому престолу. О моемъ священнослуженіи я уже имѣлъ счастіе представить Вамъ прежде пожалованныя мнѣ одобренія отъ Его Величества Венгерскаго короля и отъ Его Королевскаго Высочества Венгерскаго палатина Іосифа. Симъ двумъ священнѣйшимъ лицамъ долженъ

я отдать справедливость, что они не имѣли участія ни въ оскорбленіяхъ, причиненныхъ Ея Императорскому Высочеству Великой княгинѣ Всероссійской при жизни, ни по смерти Ея въ покушеніяхъ, уничижительныхъ Августѣйшему гробу и нашей православной церкви. Все же и всякое зло содѣяло суевѣріе, противящееся Богу и Божіимъ Помазанникамъ и коварная политика, разрушающая народное спокойствіе".

Стремленіе Венгріи, особенно же славянскаго ея населенія, къ отложенію отъ Австріи и къ сближенію съ Россіей, обнаруженное при жизни венгерской палатины Александры Павловны, долго продолжало жить въ умахъ венгровъ и по смерти ея [1]). Живя въ Венгріи, въ Офенѣ, резиденціи палатина, о. Самборскій не могъ такъ или иначе не вступать въ сношенія съ православными сербами, которыхъ очень много было въ предѣлахъ Венгріи, и которые входили въ составъ Офенской православной епархіи, состоявшей въ зависимости отъ митрополита, нынѣ патріарха Карловицкаго. Въ 1804 году протоіерей Самборскій вручилъ въ Вѣнѣ русскому послу записку митрополита сербскаго народа въ Венгріи, Стефана Стратимировича, составленную этимъ послѣднимъ для поднесенія Русскому императору Александру I, о возстановленіи новаго славяносербскаго государства [2]). Эту записку, написан-

---

[1]) „Исторія Россіи" Соловьева, т. XV, стр. 210 и дл.

[2]) Записка эта сохранилась въ бумагахъ Самборскаго и въ полномъ видѣ напечатана въ „Чтеніяхъ об. ист. и древн. россійскихъ", смѣсь. стр. 241—256. Настоящее ея заглавіе такое: „Записка Стефана Стратимировича, православнаго сербскаго и валахійскаго митрополита, въ угорскомъ королевствѣ сущаго, представленная чрезъ посредство русскаго протоіерея А. А. Самборскаго Государю Императору Александру Павловичу, въ 1804 году, объ освобожденіи сербскаго народа вообще". Современное сокращенное извлеченіе изъ этой записки, сдѣланное по-русски, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ чиновниковъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, помѣщено на страницахъ „Русскаго Архива" 1868 г., вып. I, 114—120. Русское сокращеніе записки доставлено было въ редакцію этого журнала правнукомъ Самборскаго А. И. Малиновскимъ. Общее содержаніе записки митрополита Стратимировича можно представить въ такомъ

ную на такъ назыв. славяносербскомъ языкѣ съ приложенными при ней письмами (отъ 14 іюня 1804 г.) Самборскаго къ князю Адаму Чарторижскому, управлявшему въ то время Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, и къ императору Але-

---

видѣ: Каждый Европейскій государь имѣетъ себѣ среди другихъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ ему государей вѣрнаго союзника, который бываетъ ему полезенъ въ свое время. Самъ Бонапартъ, сколько ни силенъ и великъ, по своему происхожденію привязанъ къ итальянцамъ и римской церкви. Одинъ только русскій великій и благочестивый государь не имѣетъ такого союзника. Иновѣрные и иноплеменные союзники Россіи ненадежны. Греки одной вѣры съ русскими, но за то народъ этотъ гордъ и подлъ, дружба его ненадежна, во всѣхъ войнахъ Россіи съ Оттоманской Портой греки не были вѣрными и искренними союзниками. Нѣтъ въ мірѣ народа, который бы такъ любилъ Россію и русскихъ государей, какъ сербы. Единовѣрные и единокровные съ русскими они, при всемъ отдаленіи, полагаютъ надежду на одну Россію. Посему, не слѣдовало ли бы русскимъ государямъ этотъ добрый славянскій народъ привести въ самостоятельное политическое существованіе, а со временемъ и въ желаемое политическое союзничество? Далѣе, въ своей запискѣ Стратимировичъ излагаетъ, какимъ образомъ изъ подвластныхъ Австріи и Турціи сербовъ можно было бы образовать новое сербское государство. Для большей безопасности и утвержденія этого государства, продолжаетъ онъ, надлежало бы, чтобы русскій императорскій домъ опредѣлилъ государемъ новой державы одного изъ своихъ великихъ князей. Но если-бы русскій государь почему-либо не захотѣлъ или не могъ сдѣлать этого, то тогда слѣдовало бы назначить кого-нибудь изъ нѣмецкихъ родственныхъ князей, но непремѣнно такого, который бы, хотя въ потомствѣ, принялъ восточное православіе. Это возстановленіе новаго славяносербскаго государства, настолько выгодно русскому императорскому дому и славно для всего славянства, что никакой величайшій трудъ и никакія затраты не могутъ почитаться великими для достиженія этого. Ибо если Бонапартъ, такъ-сказать вчерашній простой итальянецъ, самъ, безъ союзниковъ, вопреки интересамъ Европы, и даже самой Франціи, могъ безъ всякаго повода, съ нарушеніемъ долга справедливости, одного короля низвергнуть, а другого воздвигнуть, одну республику уничтожить, а другую учредить: то развѣ не можетъ добродѣтельный, мудрый и цѣлою Европою возлюбленный императоръ Всероссійскій мужественно предъ лицемъ неба и земли защитить единовѣрный и единоплеменный народъ, столько вѣковъ подъ игомъ тиранскимъ стенящій и къ нему, одному непрестанно взывающій о своемъ освобожденіи? Ужели изсякла на святой Руси любовь къ славянскому роду, и бѣдные сербы должны отчаяться выйти изъ-подъ турецкаго и австрійскаго ига? Записка оканчивается молитвеннымъ воззваніемъ къ Богу, да вложитъ Онъ въ сердце Александра сочувствіе къ сербамъ.

ксандру Павловичу, посолъ препроводилъ въ Петербургъ. Въ письмѣ къ Его Сіятельству князю Чарторижскому протоіерей Самборскій проситъ о поднесеніи Его Императорскому Величеству письма своего вмѣстѣ съ препровождаемымъ „начертаніемъ", которое принялъ онъ отъ славяносербскаго митрополита, „не яко политикъ, но яко служитель церкви, повелѣвающей участвовать въ несчастіи ближнихъ". Въ письмѣ на имя Его Императорскаго Величества о. Самборскій говоритъ: „предпринимая дальній путь моремъ (по направленію въ Россію), и будучи старъ и слабъ здоровьемъ, я за долгъ поставилъ препроводить Вашему Императорскому Величеству начертаніе митрополита сербскаго народа, Стефана Стратимировича, и, повергая себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, вмѣстѣ съ нимъ слезно молю, да не поставится въ вину, что не подписано имени составителя. Митрополитъ не дерзнулъ сего сдѣлать, опасаясь лишенія головы". Самборскій знаетъ лично этого митрополита и увѣряетъ государя сердцевѣдцемъ Богомъ, что онъ есть истинный и ревностный пастырь церкви и совершенно преданъ Его Величеству. Зная съ младенчества всемилостивѣйшаго государя, что онъ есть другъ рода человѣческаго, и благосостояніе, содѣлываемое людямъ, есть сладчайшая пища души его, о. Самборскій безбоязненно принялъ это начертаніе, и не такъ, какъ политикъ, но какъ служитель христіанской церкви и самовѣрнѣйшій рабъ, котораго вся жизнь посвящена Его Императорскому Величеству въ искренную жертву.

Князь А. Чарторижскій, полякъ по своему происхожденію и симпатіямъ, прочитавъ сужденіе сербскаго православнаго митрополита о полякахъ и іезуитахъ, изложенное въ его запискѣ, разумѣется, не могъ дать ей дальнѣйшаго движенія, и потому возвратилъ ее въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ русскимъ сокращеніемъ ея, протоіерею Самборскому, такъ что остается неизвѣстнымъ, достигъ ли на этотъ разъ до русскаго царя голосъ сербскаго митрополита, или нѣтъ. Исто-

рическимъ подтвержденіемъ его запискѣ послужило вспыхнувшее черезъ годъ послѣ этого возстаніе сербовъ противъ турокъ, поднятое извѣстнымъ Георгіемъ Петровичемъ Чернымъ,—возстаніе, которымъ было положено начало нынѣшнему сербскому королевству. Какъ извѣстно, русская дѣятельная помощь и русское заступничество поддержали сербовъ въ ихъ геройской борьбѣ съ поработителями и даровали имъ въ Бухарештскомъ трактатѣ первыя условія политической самостоятельности. Несомнѣнно также, что, по возвращеніи въ Россію, протоіерей Самборскій, какъ въ личныхъ бесѣдахъ съ государемъ (бывшимъ ученикомъ своимъ), такъ и въ письмахъ къ нему [1]), могъ раскрыть передъ нимъ истинное положеніе сербскихъ дѣлъ.

V.

Лѣтомъ 1804 года протоіерей Самборскій оставилъ Венгрію и отправился путешествовать по славянскимъ землямъ. Онъ побывалъ тогда въ Черногоріи, особенно возбуждавшей его сочувствіе, затѣмъ изъ Трієста чрезъ Средиземное море проѣхалъ въ Архипелагъ, посѣтилъ Аѳонскую гору, Корфу, Патмосъ и нѣкоторые другіе греческіе острова, а напослѣдокъ прибылъ въ Константинополь, гдѣ со скорбнымъ чувствомъ осматривалъ древнюю христіанскую святыню—храмъ св. Софіи, обращенный въ мечеть. Составленный имъ отчетъ объ этомъ путешествіи, котораго цѣлію, между прочимъ, было ближайшее ознакомленіе съ земледѣліемъ и торговлею разныхъ мѣстъ, представленъ былъ высшему начальству [2]). Всюду, во время своего путешествія, Самборскій раздавалъ изображенія гроба великой княгини Александры Павловны, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ особамъ, и въ томъ числѣ восточнымъ патріархамъ, находившимся тогда въ Константинополѣ. Въ благо-

[1]) „Русская Старина“ 1870 г. т. I.

[2]) „Истор стат. опис. Харьк. еп“., отд. V, стр.

дарность за это, онъ получилъ въ даръ отъ константинопольскаго патріарха серебряный крестъ, въ видѣ звѣзды, съ частицею животворящаго древа Креста Господня и отъ іерусалимскаго патріарха—дарохранительницу, въ видѣ іерусалимскаго Гроба Господня, съ изваянными изъ золота изображеніями страданій Спасителя [1]).

Изъ Константинополя протоіерей Самборскій поѣхалъ въ Крымъ или Тавриду, а оттуда въ Одессу, гдѣ на нѣкоторое время остановился. Отсюда онъ имѣлъ удобный случай переслать съ таврическимъ генералъ-губернаторомъ Дюкомъ-де-Ришелье свое письмо на имя Государя Императора (отъ 29 декабря 1804 г.), въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „Приплывъ къ пристанищу Севастополя, направилъ я свое шествіе къ древнему Таврическому Херсону, гдѣ равноапостольный Князь Владиміръ освятился христіанскимъ крещеніемъ и просвѣтился Евангельскою вѣрою. Воспоминаніе прошедшихъ временъ и оставшіяся развалины ввергнули было меня въ печальное размышленіе; но вдругъ нашедшая, аки бы съ небесъ, на меня мысль преисполнила душу мою духовною радостію. Я, приклонивъ колѣна и воздѣвъ руци къ небесамъ, рекъ тако: Боже всемогущій и преблагій! Иже хощеши спастися всѣмъ человѣкамъ и въ разумъ истины прійти, аще благоугодно было Твоей святой воли, да Владиміръ съ безчисленными народами, подлежащими державѣ его, сущи въ идолопоклонствѣ, обратятся къ истинному Богопознанію. Да благоугодно будетъ такожде, да Божій Помазанникъ, Высочайшій Первосвященникъ, Благочестивѣйшій Александръ, неусыпно пекущійся объ истинномъ общемъ благѣ, *исторгнетъ многочисленные народы изъ магометанскаго суевѣрія и да освятитъ и просвѣтитъ ихъ христіанскимъ*

[1]) Этотъ крестъ и дарохранительница нынѣ находятся въ Андреевскомъ придѣлѣ Стратилатовской церкви на престолѣ см. „Истор стат. опис. Харьк. еп.“, стр. 86.

крещеніемъ. Да благоугодно будетъ и Вамъ, сердобольнѣйшій Отецъ, обратите сродное сердцу Вашему вниманіе *на народъ погруженный въ невѣжествѣ, суевѣріи и бѣдности*. Да посредствомъ Вашимъ *снидетъ на нихъ Божія благодать*. Я есмь готовъ остатокъ моей жизни посвятить, какъ *для Евангельской проповѣди*, такъ и для показанія имъ: *какимъ образомъ можно обратить дикія степи въ хлѣбородныя поля и учредить хозяйство*. Сего я не дерзнулъ бы представить, если бы не было совершенно согласно съ Богоугоднымъ узаконеніемъ Вашимъ: *о просвѣщеніи народа*. Отдаленной отъ Вашего воззрѣнія опустошенной Тавріи никто не можетъ привести въ лучшее состояніе, какъ мужъ избранный по сердцу Вашего Величества, Дюкъ-де-Ришелье; онъ есть человѣколюбивъ, справедливъ, милосердъ, честенъ, безкорыстенъ, попечителенъ и во всемъ благоразуменъ. О сихъ его свойствахъ цвѣтущая Одесса живое представляетъ свидѣтельство".

Въ началѣ 1805 года протоіерей Самборскій прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь ему, въ награду за понесенные многочисленные труды, императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ брильянтовые знаки на орденъ св. Анны перваго класса при слѣдующемъ Высочайшемъ на его имя рескриптѣ (отъ 13 окт. 1805 г.): „Отецъ Протоіерей Самборскій! Съ того времени, какъ возложена была на Васъ должность наставника Закону Божію при Мнѣ, а равно и исполненіе всѣхъ по званію Вашему отправляемыхъ должностей съ отличностію, обратили вниманіе Мое, въ знакъ коего справедливымъ нахожу Всемилостивѣйше пожаловать Васъ брильянтовыми знаками ордена святыя Анны, которые препровождая при семъ, пребываю къ Вамъ благосклонный Александръ" [1]).

Не теряя надежды и по пріѣздѣ въ Петербургъ посвятить остатокъ своей жизни духовно-просвѣтительной дѣятель-

---

[1]) Архивъ канц. об. пр. св. Синода 1805г., № 744. Ср., Санктпетербургскія Вѣдомости", 1805 г. № 82.

ности въ опустошенной мусульманами Таврид'Ѣ, о. Самборскій обратился съ письменною просьбою о содѣйствіи въ этомъ къ императриц'Ѣ Маріи Ѳеодоровн'Ѣ: „Повергаю себя во всей моей душевной преданности къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества“,—писалъ онъ императриц'Ѣ отъ 26 окт. 1805 г.,—„и всесмиреннѣйше молю: да въ свободные часы удостойте прочтеніемъ приложенной при семъ копіи того письма, которое я съ чистою моею совѣстію писалъ еще прошедшаго года изъ Одессы къ Его Императорскому Величеству Вашему вселюбезнѣйшему Сыну, Благочестивѣйшему Александру Первому, и которое самолично поднесъ Его Величеству таврической области генералъ-губернаторъ Дюкъ-де-Ришелье. *Сію опустошенную страну, думаю, что самъ Богъ предназначилъ, въ которой бы я запечатлѣлъ священнослуженіемъ остатокъ ветхихъ дней моихъ.* Сему Божіему гласу я охотно, и ревностно повинуюсь для двухъ причинъ. Первая, что оставшіеся тамо бѣдные и погруженные въ магометанскомъ суевѣріи, провождающіе дикую и необразованную жизнь татары необходимо требуютъ евангельскаго и христіанскаго просвѣщенія. Ибо добрый христіанинъ есть добрый гражданинъ. Представилъ я о семъ министру внутреннихъ дѣлъ, не испрашивая для сего Богоугоднаго подвига ни серебра, ни золота; дабы онъ или кто другой не подумалъ, что сіе священное служеніе предпріемлю по пословицѣ: не для Іисуса, а для хлѣба куса. Чувствую, что служеніе сіе должно совершаться апостольскимъ духомъ, христіанскою любовію и постояннымъ терпѣніемъ. Сіи же средства должны быть утверждены на непоколебимомъ благоволеніи и благопризрѣніи Божіихъ Помазанниковъ, изливающихъ свое неусыпное попеченіе на благоденствіе и на истинное просвѣщеніе своего народа, за котораго состояніе должны Они воздать строгій отвѣтъ въ будущей вѣчной жизни. Не дерзалъ бы я тако изъясняться предъ Вами, но Ваши Богоугодныя дѣла торжественно изъявляютъ, что всѣ Ваши вожделѣнія устремляются къ

сему единственному центру. На семъ основаніи, я себя удостовѣряю, что Вы, Благочестивѣйшая Монархиня, *будете споспѣшествовать сему моему христіанскому подвигу* и тѣмъ паче, что образъ моего Богослуженія и мѣра моей ревности Вашему проницанію суть совершенно извѣстны... Вторая причина: кто удостоился Высочайшаго званія быть наставникомъ Божіяго закона всемѣрно долженъ стараться пребыть достойнымъ того званія до послѣдняго своего дыханія. Получивъ изобильную награду и блестящія отличія (разумѣются, конечно, брильянтовые знаки ордена св. Анны), не долженъ онъ ослѣпляться праздностію и быть тунеядцемъ, но оправдать самымъ дѣломъ во всякихъ случаяхъ оное Высочайшее званіе. Сихъ ради причинъ *я жертвую остаткомъ моей жизни опустошенной Тавріи.* Да древній Херсонесъ, сущій въ развалинахъ, паки возобновитъ духовное перерожденіе въ народѣ, погруженномъ въ суевѣріи. Да содѣйствіемъ Божіей благодати познаетъ сей народъ истинное Богопочитаніе и свое блаженство. Симъ богоугоднымъ и преполезнымъ отечеству священнослуженіемъ вожделѣю *запечатлѣть конецъ моей жизни* и снити во гробъ съ достохвальнымъ наименованіемъ наставника Божіяго закона".

Неизвѣстно почему, только столь усиленные хлопоты протоіерея Самборскаго относительно духовнаго просвѣщенія Тавриды не увѣнчались успѣхомъ. По старости и болѣзненности или по другимъ какимъ причинамъ, только послѣ этого онъ болѣе уже не игралъ роли ни при дворѣ, ни въ духовной іерархіи [1]). Онъ вовсе даже оставилъ службу, получивши всѣ

[1]) Мѣсто главнаго духовнаго лица въ придворномъ вѣдомствѣ занималъ въ то время человѣкъ, хотя во многомъ уступавшій Самборскому по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, но имѣвшій поддержку при дворѣ и въ Синодѣ. Это лице былъ духовникъ Государя, протопресвитеръ придворной церкви Исидоръ Петровъ, по сильному выраженію бывшаго оберъ-прокурора св. Синода Яковлева (см. извлеченіе изъ его „Записокъ" въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1868 г., № 3) „добрый и глупый человѣкъ", къ тому же старый и больной, подписывавшій въ Синодѣ все что приказывалъ ему митрополитъ Амвросій (онъ былъ членомъ Синода съ 16 ноября 1796 г.). Должность полеваго оберъ-священника принадлежала Павлу Яковлевичу Озерецковскому, племяннику митрополита, человѣку весьма дѣ-

средства къ тому, чтобы благословлять свою старость. По удаленіи на покой, о. Самборскій имѣлъ солидное содержаніе въ 11,260 рублей, изъ коихъ 7,600 руб. ему выдавались изъ Кабинета Его Величества, 1,000—великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, 660 р.—изъ капитула орденовъ и 2000 р., —венгерскимъ палатиномъ Іосифомъ [1]). Кромѣ того, онъ, по вниманію къ нему его державнаго питомца, получилъ казенную квартиру въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ нынѣ Артиллерійская академія. Тамъ, въ тиши уединенія, Самборскій предался воспоминаніямъ. Отсюда онъ отправилъ черезъ оберъ-прокурора св. Синода, князя А. Н. Голицына [2]), письмо (отъ 1 янв. 1806 г.) къ Государю Императору, въ которомъ просилъ дозволить ему совершать богослуженіе въ своей домовой церкви. „Прежестокою снѣдается сердце мое печалію", писалъ онъ Государю,—„что, по причинѣ тяжкой моей болѣзни, не удостоиваюсь самолично пасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, и наичувствительнѣйшую сугубо принесть благодарность за изъявленное мнѣ торжественно Высокомонаршее благоволеніе, которое начертаніемъ [3]) изволили оправдать и засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ нашимъ любезнѣйшимъ отечествомъ мое ревностное служеніе. Всемилостивѣйшій Государь! Аще благоугодно было Вашему благодушію украсить мои рамена драгоцѣнными блестящими отличіями, твердо питаю себя надеждою, что благоугодно будетъ Вамъ, яко Помазаннику Божію, украсить мою душу, готовящуюся къ переселенію въ вѣчность, нужными средствами ко спасенію. Я, по благости Божіей, приблизился уже къ старости.

ловитому, по хитрому, покорному орудію своего дяди (онъ былъ назначенъ присутствовать въ Синодѣ 27 марта 1799 г.). Второстепенной роли протоіерей, быть можетъ, не хотѣлъ играть, а потому счелъ за лучшее совсѣмъ удалиться со службы.

[1]) „Іезуиты въ Россіи" Морошкина, ч. II, стр. 24.

[2]) О немъ см. „Русскій Архивъ" 1867 г., стр. 242 и д.

[3]) Рѣчь идетъ здѣсь о Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ протоіерею Самборскому, которымъ ему были пожалованы бриллиантовые знаки ордена св. Анны.

Ежедневно ощущая слабость и изнеможеніе моего здоровья, не могу и не дерзаю выйти въ какую-либо церковь для совершенія св. Таинъ. Изъ Вашего природнаго великодушія и уваженія къ моему болѣзненному состоянію, благоволите, Божій Помазанникъ, слезно Васъ молю, благословить: *совершать мнѣ священнослуженіе въ той подвижной церкви, которую я, къ душевному моему утѣшенію, устроилъ во имя священномученицы Александры, изъ великолѣпныхъ царскихъ одеждъ, купленныхъ мною на публичной продажѣ (въ Венгріи), послѣ смерти Ея Императорскаго Высочества, Вашей вселюбезнѣйшей сестры, безсмертныя Александры Павловны.* Въ сей церкви, представляющей величественный монументъ, по неимѣнію тогда посольской въ Вѣнѣ, я священнодѣйствовалъ болѣе года. Сію церковь, воздвигнутую въ частной храминѣ, освидѣтельствовалъ и нашелъ соотвѣтственною во всемъ чиноположенію оберъ-прокуроръ св. Синода Его Сіятельство князь Голицынъ". По поводу этого письма императоръ Александръ Павловичъ соизволилъ поручить оберъ-прокурору снестись съ петербургскимъ митрополитомъ Амвросіемъ, нѣтъ ли съ его стороны какихъ-либо препятствій къ исполненію этой просьбы о. Самборскаго. Митрополитъ далъ свое благословеніе имѣть Самборскому домовую церковь и совершать въ ней богослуженіе.

Въ своей квартирѣ, въ большихъ, просторныхъ комнатахъ Михайловскаго замка протоіерей Самборскій устроилъ домовую церковь изъ одеждъ покойной великой княгини Александры Павловны и изъ тѣхъ ея иконъ, которыя привезены были имъ обратно изъ Венгріи въ Россію, такъ-какъ по крайней тѣснотѣ церкви, устроенной надъ могилой великой княгини, онѣ оказались излишними [1]). Здѣсь, пока былъ въ си-

[1]) Эти иконы—работы академика Боровиковскаго, поднесенныя Самборскимъ по возвращеніи изъ Венгріи, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (см. „О жизни протоіерея А. А. Самборскаго", стр. 65) и потомъ по Высочайшему повелѣнію пе-

лахъ, о. Самборскій совершалъ богослуженіе съ однимъ псаломщикомъ Василіемъ Щербинскимъ, взятымъ имъ, съ разрѣшенія митрополита, изъ канцеляристовъ Харьковской духовной консисторіи [1]).

Располагая лѣтомъ проживать въ Высочайше подаренномъ ему имѣніи, въ с. Стратилатовкѣ, Самборскій испросилъ себѣ чрезъ князя Голицына позволеніе служить въ своей походной церкви не только тогда, когда онъ жилъ въ столицѣ, но и когда переѣзжалъ на дачу. По этому случаю онъ писалъ князю Голицыну отъ 24 авг. 1806 года: „За утвержденіе *повсемѣстнаго* священнослуженія въ моей собственной церкви къ возблагодаренію Васъ не нахожу довольныхъ словъ". Для установленія въ с. Стратилатовкѣ временной церкви устроена была особая часовня, которая существуетъ и нынѣ и въ которой Самборскій приготовилъ было себѣ и гробъ [2]). Усерднымъ желаніемъ протоіерея Самборскаго было построить въ имѣніи своемъ настоящую каменную церковь; но онъ не успѣлъ исполнить своего желанія, и уже послѣ смерти его, въ 1832 году, дочь его, Анна Андреевна, и внукъ, полковникъ Иванъ Васильевичъ Малиновскій, привели въ исполненіе его желаніе, воздвигнувъ, въ память своего отца и дѣда, великолѣпный каменный храмъ о трехъ престолахъ: въ главномъ алтарѣ—во имя Софіи, Премудрости Божіей, въ южномъ придѣлѣ—въ честь Рождества Пресвятыя Богородицы и въ сѣверномъ придѣлѣ—въ честь св. великомученика Андрея Стратилата. Съ устройствомъ постоянной церкви царскія одежды покойной великой княгини Александры Павловны, изъ которыхъ устроена

реданныя ему, были слѣдующія: 1) образъ Спасителя съ серебряною, позлащенною рамою; 2) Входъ во храмъ Пресв. Дѣвы Маріи съ золотою рамою; 3) образъ св. Апостола Павла съ рамою; 4) небольшой образъ Пресв. Дѣвы Маріи въ серебряномъ, позлащенномъ окладѣ и 5) образъ священномученицы Александры въ золотой рамѣ и съ украшеніями яхонтовъ и брильянтовъ надъ главою. Всѣ эти иконы нынѣ находятся въ церкви с. Стратилатовки.

[1]) Архивъ канц. петерб. митрополита 1806 г., № 385

[2]) Истор. стат. опис. Харьк. еп., отд. V, стр. 88.

была временная походная церковь, были обращены въ свящ. облаченія, сохранившіяся и до настоящаго времени; изъ нихъ болѣе замѣчательны ризы: золотая, глазетовая, глазетовая блан-жеваго цвѣта, бѣлая парчевая и темно-зеленая бархатная [1]).

Во время лѣтняго своего пребыванія въ с. Стратилатовкѣ протоіерей Самборскій при богослуженіи пользовался пѣвчими Харьковскаго такъ-называемаго „Христофоровскаго“ хора [2]). „Отецъ протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій“,—писалъ отъ 23 марта 1806 г. князь Голицынъ слободско-украинскому преосвященному Христофору (Сумимѣ),—„отправляясь въ малороссійскія свои деревни, проситъ меня отнестись къ Вашему Преосвященству *объ откомандированіи къ нему на случай тамошняго пребыванія его изъ Вашего хора двухъ пѣвчихъ для исправленія причетнической должности въ домовой его Всемилостивѣйше пожалованной церкви.* По поводу чего я покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство, ежели возможно, оказать ему въ семъ случаѣ удовлетвореніе,—что самое и я почту себѣ за одолженіе, пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Преосвященства“ [3]). Просьба была уважена. Вскорѣ, впрочемъ, о. Самборскій завелъ и собственныхъ пѣвчихъ [4]).

VI.

Проживая въ своемъ имѣніи, с. Стратилатовкѣ, протоіерей Самборскій усердно занимался улучшеніемъ быта крестьянъ во

---

[1]) Истор. стат. опис. Харьк. еп., отд. V, стр. 85. 86.—Въ оградѣ Софійской церкви погребенъ Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій, женатый на внучкѣ протоіерея Самборскаго, одинъ изъ извѣстныхъ генераловъ. Онъ былъ храбрымъ воиномъ, строгимъ къ отношеніи къ себѣ и готовымъ на все для другихъ. Высочайше пожалованную ему аренду онъ обратилъ на погашеніе отцовскихъ долговъ, а пенсію употреблялъ на уплату подушной подати за крестьянъ жены своей. Въ продолженіе своей военной службы онъ былъ въ 6 штурмахъ, 80 сраженіяхъ и перестрѣлкахъ и въ 3 степныхъ экспедиціяхъ (тамъ же, стр. 89).

[2]) См. нашъ „Харьковскій коллегіумъ“, стр. 157. прим. 1.

[3]) Прилож. къ Дух. Дневнику 1865 г., стр. 200.

[4]) Истор. статист. опис. Харьк. еп., отд. V, стр. 88.

всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, онъ устроилъ судъ изъ стариковъ-крестьянъ, по приговору котораго награждали и наказывали, завелъ школу для обученія крестьянскихъ дѣтей Закону Божію, чтенію и пѣнію въ церкви, письму и ариѳметикѣ, устроилъ больницу и богадѣльню для вдовъ и сиротъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался распространять среди своихъ крестьянъ здравыя понятія о земледѣліи, и съ этою цѣлію выписалъ изъ Англіи нѣсколько земледѣльческихъ орудій. Въ Стратилатовкѣ и теперь крестьяне показываютъ то дерево, на которое о. Самборскій вѣшалъ наперсный крестъ свой и ордена передъ тѣмъ, какъ показывалъ ихъ дѣдамъ и отцамъ употребленіе новаго плуга, при чемъ самъ и пахалъ имъ. Немало положилъ труда Самборскій и на пользу усовершенствованій въ разныхъ другихъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Если ко всему этому прибавить, что протоіерей Самборскій, въ качествѣ помѣщика, не обременялъ своихъ крестьянъ ни излишними трудами, ни жестокими наказаніями, и они не иначе называли его какъ своимъ „батюшкою“, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что мѣстныя власти находили нужнымъ сообщать высшему начальству объ его филантропической дѣятельности, какъ о чемъ-то выходящемъ изъ ряда явленій современной имъ общественной жизни.

28 ноября 1808 года харьковскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину о богоугодныхъ заведеніяхъ „помѣщика господина протоіерея и кавалера, устроенныхъ имъ въ селѣ его Стратилатовкѣ, какъ то: 1) о *домѣ для больницы*, въ коемъ можетъ помѣщаться восемь человѣкъ больныхъ, и близъ онаго выстроенномъ другомъ для сего же предмета, 2) о *домѣ для вдовъ и сиротъ*, 3) о *домѣ для училища* малолѣтнихъ поселянъ, въ коемъ находится осьмнадцать учениковъ, и что больные пользуются, и какъ оные, а равно вдовы, сироты и учащіеся содержатся на его, господина Самборскаго, коштѣ, присовокупя къ сему и то, что

нъ, Самборскій, въ 1807 году принадлежавшій ему въ городѣ Изюмѣ (Харьк. губ.) домъ со строеніемъ отдалъ для помѣщенія штатной и приходящихъ *командъ больныхъ воинскихъ чиновъ*, снабдя оный отъ себя нѣкоторыми нужными вещами".

На это представленіе губернатора министръ внутреннихъ дѣлъ въ отношеніи къ нему отъ 6 окт. 1809 г. отвѣчалъ, что „о сихъ господина Самборскаго богоугодныхъ заведеніяхъ онъ имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору и Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ, господину Самборскому за таковые его подвиги изъявить *Монаршее благоволеніе*", которое и было объявлено ему „въ сильныхъ и весьма трогательныхъ терминахъ" въ письмѣ отъ министра. „Повергая себя къ стопамъ Вашего Величества",—писалъ по этому случаю Государю о. Самборскій отъ 12 декабря того же года,—„приношу изъ глубины моея души наичувствительную благодарность за Ваше *высокомонаршее благоволеніе, явленное мнѣ за дѣла богоугодныя министромъ внутреннихъ дѣлъ*. Оное оживило мою душу, которую я всегда тщался, да и впредь потщуся употребить въ пользу ближняго до послѣдняго моего дыханія, а чрезъ то доказать свѣту, что не словомъ точію, но и дѣломъ старался я исправлять служеніе наставника Божіего закона Наичеловѣколюбивѣйшему Самодержцу". Одновременно съ этимъ письмомъ на имя Государя Самборскій отправилъ письмо къ князю Голицыну, которому, между прочимъ, писалъ: „Долгомъ поставляю донесть Вашему Сіятельству, что я имѣлъ счастіе получить *высокомонаршее благоволеніе, сообщенное мнѣ за дѣла богоугодныя господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Его Сіятельствомъ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ*. Какъ я удостовѣренъ, что и Ваше Сіятельство принимали въ семъ участіе, то приношу и Вамъ, милостивый благодѣтель, наичувствительнѣйшую мою благодарность".

Ободренный такимъ монаршимъ благоволеніемъ, протоіе-

рей Самборскій еще большее началъ прилагать стараніе объ устроеніи въ своей деревнѣ различныхъ богоугодныхъ заведеній. „Нынѣ получилъ я представленіе отъ изюмскаго земскаго исправника“,—доносилъ въ сентябрѣ 1811 г. слободско-украинскій губернаторъ министру полиціи,—„что между другими занятіями по должности своей онъ (земскій исправникъ) входилъ и въ разсмотрѣніе человѣколюбивѣйшихъ заведеній г. Самборскаго въ селѣ его Стратилатовкѣ устроенныхъ, и нашелъ *домъ для сиротъ и вдовъ*, также третій *домъ для удрученныхъ старостію и больницу*..., при больницѣ особый *домъ съ лекарствами и для прививанія оспы* довольно видный, а наипаче *домъ для пораженныхъ любострастною болѣзнію простолюдиновъ*, становится въ нихъ явнымъ обузданіемъ къ воздержности отъ пороковъ; при семъ онъ, исправникъ, замѣтилъ, что поработившіе себя толикой слабости поселяне очевидно начали постепенно обращаться болѣе къ трезвости, трудолюбію и хорошему поведенію, нежели, какъ до сего времени, обладала ими невоздержность. Сверхъ сихъ богоугодныхъ заведеній одобряетъ онъ и *сельское училище*, гдѣ подъ руководствомъ хорошаго священника, крестьянскія дѣти, навыкая къ чтенію, письму и ариѳметикѣ, довольно пріятности доставляютъ стройнымъ въ храмѣ Божіемъ пѣніемъ; кромѣ сего, онъ, г. Самборскій, завелъ *гишпанской породы овецъ* и завелъ *шелковую плантацію*“ [1]).

Объ этомъ благоустройствѣ въ имѣніи Самборскаго министръ полиціи довелъ до свѣдѣнія Государя Императора, и Онъ чрезъ князя Голицына изволилъ объявить своему бывшему наставнику Закона Божія свое благоволеніе. По этому поводу князь Голицынъ отъ 27 декабря 1811 г. писалъ протоіерею Самборскому слѣдующее: „Государь Императоръ, видѣвъ изъ донесенія министра полиціи, что Ваше Высокопреподобіе, по человѣколюбію къ страждущ-

[1]) Архивъ канц. оберъ-прокурора св. Синода 1811 г., № 4,307.

щимъ, учредили въ помѣстьи своемъ Стратилатовкѣ *сиротскіе домы и больницы*, и сверхъ того, ревнуя къ пользѣ общей, одобряете благими своими внушеніями крестьянскихъ дѣтей, обучающихся *въ народномъ училищѣ*,—Высочайше повелѣть мнѣ изволилъ сообщить Вашему Высокопреподобію, что богоугодныя заведенія Ваши и усердіе ко благу общему обращаютъ особенное вниманіе и милость къ Вамъ Его Императорскаго Величества".

Совершенно иначе отнеслось къ благотворительной дѣятельности протоіерея Самборскаго мѣстное такъ-называемое интеллигентное общество. Развивая широкую благотворительность, о. Самборскій своимъ примѣромъ хотѣлъ побудить къ тому же самому и своихъ сосѣдей-помѣщиковъ; но жестокіе и невнимательные къ бѣдственному положенію своихъ крестьянъ помѣщики, по чувствамъ зависти и коварства, все старались истолковать въ худую сторону. Во главѣ этихъ неблагомыслящихъ людей стоялъ отставной ротмистръ, уѣздный изюмскій судья, Иванъ Денисенковъ, съ которымъ Самборскому пришлось вести весьма непріятный судебный процессъ.

Любопытны подробности этого процесса. Но сначала скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Иванѣ Денисенковѣ. „Хотя онъ" (Денисенковъ), по словамъ о. Самборскаго, „и крестьянскаго происхожденія, однако воспитанъ былъ преискуснымъ законовѣдомъ, который умѣлъ священные народные законы обращать по своимъ пользамъ направо и налѣво. Сей преострый воспитанникъ (Денисенковъ), напитанный до избытка таковыми правилами, учинился и самъ судія Изюмскаго уѣзда". Будучи весьма бѣднымъ и многосемейнымъ человѣкомъ, изюмскій судья упросилъ помѣщика Ерсиванова, грузина по происхожденію, уступить ему одно урочище, въ сорока верстахъ отъ Изюма, покрытое курганами[1]), съ пятьюдесятью

[1]) Эти курганы или, по мѣстному выраженію, „могилы" насыпаны были кочевавшими въ свое время въ украинскихъ степяхъ запорожцами, которые зарывали въ нихъ свою награбленную добычу-разныя монеты и утварь. Нѣкоторымъ удавалось находить здѣсь эти сокровища и обогащаться.

ревизскими душами и съ банковымъ долгомъ. При этомъ онъ просилъ помѣщика, чтобы послѣдній къ наличнымъ пятидесяти крестьянамъ причислилъ и умершихъ и бѣглыхъ числомъ около ста человѣкъ. Это Денисенковъ, какъ послѣ открылось, сдѣлалъ для собственной пользы, въ виду большаго займа изъ банка; въ числѣ пятидесяти ревизскихъ душъ, состоящихъ на лицо, оказалось четырнадцать человѣкъ совсѣмъ престарѣлыхъ и уже неспособныхъ къ труду. Съ остальными же крестьянами изюмскій судья по ночамъ искалъ въ курганахъ кладовъ, при помощи буравовъ или, по мѣстному выраженію, „щуповъ“, и, не нашедши сокровищъ, попалъ на такъ-называемые солончаки, на которыхъ удалось ему открыть минеральныя воды цѣлебнаго свойства. Не имѣя необходимыхъ для устройства этихъ водъ средствъ, онъ обратился съ просьбою о денежномъ пособіи къ Государю Императору. Когда же въ этомъ ему было отказано, Денисенковъ, все время прикрывавшійся филантропическими цѣлями, успѣлъ убѣдить близко знакомаго ему протоіерея Самборскаго взять его деревню съ цѣлительными водами въ промѣнъ на Высочайше пожалованный ему лѣсъ, въ которомъ онъ думалъ заняться винокуреніемъ и чрезъ то поправить свое состояніе. Но Самборскій не долго оставался владѣтелемъ этой деревни съ цѣлительными водами. Когда по условію, написанному самимъ Денисенковымъ, онъ сталъ осматривать новоприобрѣтенную деревню, то въ числѣ ревизскихъ душъ немало нашелъ бѣглыхъ крестьянъ, а главное—принадлежащихъ Государю. Не желая быть участникомъ въ похищеніи изюмскимъ судьею государевыхъ крестьянъ, о. Самборскій обратился съ просьбою о защитѣ къ харьковскому губернатору И. И. Бахтину. Хотя губернаторъ, человѣкъ весьма честный и правдивый, и выступилъ горячимъ защитникомъ протоіерея Самборскаго въ процессѣ съ Денисенковымъ, но послѣдній имѣлъ очень многихъ и въ тоже время богатыхъ друзей между мѣстными дворянами, которые сильно поддерживали своего уѣзднаго судью. Одному изъ такихъ друзей Денисенковъ

успѣлъ даже заложить за крупную сумму (90,000 руб.) незаконно присвоенный имъ лѣсъ, который Самборскій разсчитывалъ было современемъ продать и уплатить нажитой имъ широкою благотворительностію долгъ. Независимо отъ того Денисенковъ всячески старался внушать мѣстнымъ дворянамъ, что Самборскій „шпіонъ“, и доноситъ Его Величеству объ ихъ дурныхъ поступкахъ, или, наоборотъ, что онъ состоитъ въ немилости у Государя, и потому его можно преслѣдовать совершенно безнаказанно. Все это, разумѣется, сильно огорчало протоіерея Самборскаго и дѣлало его пребываніе въ Стратилатовкѣ невозможнымъ. „Признаюсь“,—писалъ онъ Голицыну отъ 12 ноября 1810 г.,—„что мнѣ нѣкогда было безопаснѣе жить съ невѣрными турками, нежели съ единовѣрными христіанскими сосѣдями въ моемъ отечествѣ“. Въ такихъ обстоятельствахъ о. Самборскій рѣшился искать защиты у самого Государя. Отъ 5 мая того же года онъ писалъ князю Голицыну: „Вы великодушный и единственный мой благодѣтель! можете спасти меня отъ самомучительныхъ безпокойствій; отъ опасности коварныхъ людей и отъ крайняго разоренія моего семейства, если исходатайствуете отъ Всемилостивѣйшаго Государя повелѣніе о скорѣйшемъ рѣшеніи моего дѣла. Сіе самое прибавитъ силу правосудливому губернатору, который меня горячо защищаетъ“. Голицынъ докладывалъ объ этомъ Государю, но послѣдній далъ на письмо Самборскаго уклончивый отвѣтъ. „О тяжебномъ дѣлѣ Вашемъ съ Денисенковымъ“, писалъ въ декабрѣ 1810 г. Самборскому Голицынъ,—„я докладывалъ Государю Императору. Его Величество соизволивъ усмотрѣть, что дѣло сіе предано законному теченію, Высочайше поручилъ мнѣ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что Его Величество за правило себѣ поставить изволилъ—*въ дѣла, гласъ о себѣ имѣющія, и въ законномъ порядкѣ сужденію преданныя, никогда не вмѣшиваться*“.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ и ободреніемъ въ печальномъ положеніи протоіерея Самборскаго послужилъ Высочайше по-

жалованный ему чрезъ графа Н. И. Салтыкова малый мальтійскій крестъ [1]). Вотъ что по этому поводу писалъ отъ 29 мая 1809 г. князю Голицыну о. Самборскій: „Сей новый Высокомонаршаго благоволенія опытъ *принесъ мнѣ величайшее добро: поелику нѣсколько замолкли мои завистливые и неблагомыслящіе сосѣди, которые утѣшаются вредными для меня слухами—будто бы я нахожусь подъ гнѣвомъ Его Величества и изгнанъ есмь изъ столицы.* Таковыя мнѣнія пронзаютъ и терзаютъ мою душу, тѣмъ болѣе, что это относится къ Высочайшему лицу, которое съ кротостію и правосудіемъ взираетъ на всѣхъ вѣрноподданныхъ, въ числѣ коихъ по ревности и честности въ понесенной мною службѣ я долженъ и себя поставить".

Жестокая зима 1809 г., во время которой прот. Самборскій сильно болѣлъ, такъ-что чуть было не умеръ, заставила его оставить свою деревню и отправиться въ Крымъ („благорастворенную Таврію"). Здѣсь онъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, всюду встрѣчался съ единовѣрными намъ греками,—и это обстоятельство дало ему поводъ просить Государя объ освобожденіи восточныхъ христіанъ отъ мусульманскаго владычества. Въ письмѣ къ Императору отъ 14 ноября 1809 г. Самборскій писалъ: „По Высочайше дарованному мнѣ праву *питаю теперь слабое свое здоровье благорастворенным лѣтнимъ воздухомъ въ Симферополѣ.* Всенародная необыкновенная радость путеводствовала меня въ храмъ Божій, въ которомъ совершалось благодарственное моленіе о прекращеніи кровопролитной войны, продолжавшейся семь столѣтій [2]). Сіе происшествіе превосходитъ всякое сравненіе всѣхъ царей зем-

[1]) Мальтійскіе кресты, большого и малаго размѣра, стали раздавать въ награду при императорѣ Павлѣ, который, какъ извѣстно, не только далъ убѣжище въ своемъ государствѣ рыцарямъ Мальтійскаго ордена, но даже принялъ на себя званіе великаго мастера (гроссмейстера) этого ордена (см. манифестъ объ этомъ въ Собр. зак. подъ 16 декб. 1798 г.).

[2]) Рѣчь идетъ о прекращеніи въ 1809 г. войны съ Швеціей.

ныхъ; а по мѣрѣ сего подобаетъ поставить Ваше Величество превыше всѣхъ. Благочестивѣйшій монархъ! Вы уже безсмертный! Премудростію Вашею утвержденный миръ, столь славный для Россіи, да пребудетъ незыблемъ во вся грядущія времена, есть моя горячайшая молитва, и да въ полномъ и цвѣтущемъ здравіи совершите и другой Богоугодный подвигъ: *во избавленіи христіанскихъ церквей и намъ единовѣрныхъ.* Великость и твердость Вашего духа подаетъ и въ семъ событіи твердую надежду". Еще настойчивѣе протоіерей Самборскій просилъ объ этомъ же самомъ Государя Императора въ письмѣ отъ 12 декабря 1809 года. Поздравивъ Государя со днемъ Его Рожденія, Самборскій продолжаетъ: „Сей высокоторжественный день праздновалъ я въ Евпаторіи, съ *единовѣрными греками*, которые, принося Всесильному Богу горячайшія молитвы, твердою питаютъ себя надеждою: что Рожденіе Ваше, Благочестивѣйшій Монархъ, послѣдовавшее въ день святителя Спиридона Тримифунскаго, есть истинное предзнаменованіе *скораго сихъ страдальцевъ избавленія отъ долговременнаго ига магометанскаго. Къ сему въ настоящія времена уже и путь открытъ Вашему побѣдоносному оружію. Да неподолзъ совершатся сія, есть моя горячайшая молитва*".

Одновременно съ этимъ послѣднимъ письмомъ къ Государю Императору о. Самборскій отправилъ слѣдующее письмо и къ князю Голицыну: „Имѣю счастье поздравить Васъ съ Рожденіемъ Его Императорскаго Величества, которому всенижайше прошу Васъ поднесть мое поздравленіе"[1]). Сей высокоторжественный день праздновалъ я съ *единовѣрными греками.* Не могу довольно описать ихъ сердечныхъ движеній и пламенѣющихъ моленій, которыя они привосятъ Богу о Благочестивѣйшемъ Императорѣ Александрѣ и твердо надѣются, что Господь Богъ Его избралъ *для ихъ избавленія...*

[1]) Это поздравленіе Самборскаго было подчесено Государю 14 янв. 1810г.

Что касается до состоянія моего здоровья, то жестокая зима, какова была прошедшая, онаго не снѣдаетъ. Я, ходя по берегамъ моря, питаю свою старость благорастворенным воздухомъ. Доселѣ нѣтъ здѣсь ни мороза, ни снѣгу".

VII.

Проведя нѣсколько лѣтъ въ своемъ имѣніи и съѣздивъ оттуда для поправленія здоровья въ Тавриду, протоіерей Самборскій возвратился въ сѣверную столицу, гдѣ онъ встрѣтилъ всеобщее сочувствіе и уваженіе. Кстати сказать, вообще у него было много доброжелателей; объ этомъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ обширная переписка его съ разными лицами, начиная съ вельможъ Екатерининскаго времени и до самыхъ скромныхъ тружениковъ, по преимуществу земляковъ, въ письмахъ которыхъ всего чаще выражается искренняя признательность за оказанныя благодѣянія [1]). Но петербургская сырость и морозы сѣвернаго края Россіи пагубно повліяли на хилое, ослабленное старческими недугами, здоровье о. Самборскаго. Желая подкрѣпить свое слабое здоровье благодатнымъ климатомъ Малороссіи, онъ рѣшилъ вскорѣ отправиться въ г. Лубны Полтавской губерніи, при чемъ предварительно заручился отъ своего друга князя Куракина рекомендательнымъ письмомъ къ малороссійскому генералъ-губернатору. „Препровождая къ Вамъ при семъ, мой старый, почтеннѣйшій другъ",—писалъ отъ 11 сент. 1813 г. протоіерею Самборскому князь Куракинъ,—„*мое о Васъ письмо къ малороссійскому генералъ-губернатору* подъ отверстою печатью [2]), еще

---

[1]) Многіе документы изъ этой переписки Самборскаго хранятся въ семейномъ архивѣ с. Стратилатовки.

[2]) Вотъ это письмо: „Подателя сего, довольно Вамъ извѣстнаго почтеннаго Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, препоручаю я симъ, другъ мой сердечный Яковъ Ивановичъ, въ покровительство, неоставленіе и милостивое о немъ, во всемъ отъ Васъ зависящемъ, попеченіе Ваше. Своимъ поведеніемъ и качествами души и ума, вездѣ, гдѣ не былъ, пріобрѣталъ онъ себѣ почтеніе и

разъ желаю Вамъ счастливаго пути. Да сохранитъ Васъ Богъ на многіе годы, съ лучшимъ здоровьемъ и спокойствіемъ и съ исполненіемъ всѣхъ благочестивыхъ желаній Вашихъ! Между тѣмъ помните и любите всегда Вашего вѣрнаго и усерднаго друга и слугу".

И южный климатъ благодатной Малороссіи уже не могъ возстановить здоровья о. Самборскаго. Въ Петербургъ онъ возвратился больнымъ. Два года до своей смерти Самборскій почти не вставалъ съ постели: лежащимъ въ экипажѣ перевозили его въ это время изъ Михайловскаго замка на дачу Александрову близъ Павловска. Здѣсь онъ и дочь его, Анна Андреевна, не разлучавшаяся съ нимъ до самой его кончины, не одинъ разъ принимали воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея, котораго директоромъ былъ тогда его зять В. Ѳ. Малиновскій. Императрица Марія Ѳеодоровна почти ежедневно освѣдомлялась о здоровьи почтеннаго старца и иногда присылала въ подарокъ ему лучшіе плоды изъ своего Павловскаго сада.

Съ 1815 года болѣзненные припадки у протоіерея Самборскаго, всегда переносимые имъ съ поразительнымъ терпѣ-

---

довѣренность. Разныя отличныя употребленія, въ коихъ въ два послѣднія царствованія онъ въ отечествѣ нашемъ находился и продолженное ему благоволеніе отъ нынѣ царствующаго Государя безызвѣстными Вамъ быть не могутъ. *Разслабленное его здоровье немощами, отъ древности лѣтъ происходящими, не перенося сырости и большихъ морозовъ здѣшняго сѣвернаго края Россіи, онъ идетъ подкрѣпить оное умѣреннымъ, чистымъ и гораздо лучшимъ воздухомъ Малороссіи; Лубны есть мѣсто имъ избранное,* гдѣ по сосѣдству съ онымъ славящагося врача Трофимовскаго, основать пребываніе свое располагаетъ; въ Лубнахъ и во всей Малороссіи никто болѣе Васъ помощи и всякихъ милостей оказать ему не можетъ. Онъ меня уже слишкомъ сорокъ лѣтъ знаетъ и любитъ; я самъ не переставалъ въ сію значительную полосу вѣка нашего любить и уважать его, и ему всегда усердно, по мѣрѣ лучшей возможности моей, служить. Я Вамъ предаю его какъ одного изъ самыхъ древнихъ друзей моихъ; примите его и обращайтесь съ нимъ въ семъ качествѣ и вѣрьте, что за всякій подвигъ Вашъ, къ успокоенію его старыхъ дней въ новомъ убѣжищѣ его, буду я Вамъ лично и чувствительнѣйше благодаренъ. Павловское, сент. 11, 1813 года, князь Александръ Куракинъ".

ніемъ, начали усиливаться, но въ промежуткахъ отъ страданій, онъ сохранялъ ясное расположеніе духа. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ о. Самборскій рѣшился написать послѣднее свое предсмертное письмо къ императору Александру Павловичу. „Уже болѣе года протекло“,—писалъ онъ въ іюнѣ 1815 г. Государю,—„какъ я возлежу на одрѣ, изможденный прежестокими болѣзнями! Въ продолженіе сего времени, я, по неисповѣдимой Божіей благости, неоднократно пріуготовлялъ себя къ переселенію въ вѣчность, чрезъ священнодѣйствіе, причащеніемъ св. Таинъ и установленнымъ въ христіанской церкви молитвословіемъ. На послѣднемъ благочестивый и наивѣрнѣйшій царедворецъ Вашего Императорскаго Величества, князь Голицынъ, блюститель духовныхъ дѣлъ, присутствовалъ. Сей мужъ, исполненный Божіей благодати, зѣло подкрѣпляетъ духъ мой въ моихъ страданіяхъ. Теперь я устремляю всевозможное вниманіе къ слышанію канона на исходъ души моей! Душа моя должна бы въ сіи минуты мучиться и терзаться, оставляя бренное мое тѣло, поелику я оставляю моимъ сиротамъ тяжкіе долги, нажитые мною не роскошью и мірскою суетностію, но пріобрѣтеніемъ общаго блага. Но ознаменованное во всей вселенной Вашего Императорскаго Величества человѣколюбіе, щедролюбіе и правосудіе меня успокоиваютъ; съ которыми я, соображая мое ревностное и вѣрное служеніе Вашему Престолу, повергая себя къ священнымъ стопамъ Вашимъ, слезно молю: да воспріимите дщерь мою Анну Самборскую съ прочими сиротами [1]), зависящими отъ нея, между коими имѣетъ счастье находиться и Ваша крестная дщерь Елизавета Малиновская [2]), подъ Вашъ Высочайшій Отеческій Покровъ, и во-первыхъ, повелѣть опредѣлить имъ по жизнь

[1]) За три года до кончины Самборскаго умерла его младшая дочь Софья, бывшая замужемъ за Малиновскимъ, а черезъ два года, на 45 году жизни, скончался и зять его, оставившій своему тестю шестеро круглыхъ сиротъ. Объ этихъ то сиротахъ и ходатайствуетъ здѣсь о. Самборскій.

[2]) Крестною матерью ея была императрица Марія Ѳеодоровна.

то жилище въ Михайловскомъ замкѣ, въ которомъ по Высочайшему Вашему назначенію, мы теперь живемъ, въ которомъ бы дарованная мнѣ церковь, устроенная мною изъ царскихъ одеждъ Бесмертныя Александры, пребыла неподвижною со св. иконами, въ которой бы мои сироты приносили съ теплыми слезами моленія, какъ о непоколебимости Вашего царскаго Престола, такъ и о Безсмертной Александрѣ поминовеніе! Во-вторыхъ, дабы по щедролюбію Вашему соблаговолили опредѣлить по жизнь, для насущнаго пропитанія всѣхъ ихъ, тотъ пенсіонъ, который Великая Екатерина, Августѣйшіе Ваши Родители и собственно Ваше Величество назначили мнѣ, то есть: семь тысячъ шестьсотъ рублей и если возможно простили бы великодушно банковскій долгъ" (въ количествѣ 36,000 руб., лежавшій на имѣніи Самборскаго). Это письмо о. Самборскаго княземъ Голицынымъ было доложено Государю уже послѣ смерти его автора и, какъ увидимъ ниже, возымѣло свое дѣйствіе.

Съ глубочайшею вѣрою въ Божественнаго Искупителя и надеждою на неизреченное Его милосердіе ожидалъ протоіерей Самборскій приближающейся кончины, наканунѣ которой, при полномъ сознаніи, пріобщился въ послѣдній разъ св. Таинъ, съ обычною ласковостію и привѣтливостію благословилъ дочь, сиротъ-внуковъ и внучекъ, простился со всѣми и 5 окт. 1815 года мирно почилъ о Господѣ на 82 году своей многополезной и многотрудной жизни. Отпѣваніе тѣла почившаго было совершено митрополитомъ Амвросіемъ съ многочисленнымъ духовенствомъ въ церкви Симеона Богопріимца въ Петербургѣ. При этомъ присутствовали великіе князья, множество знатныхъ особъ и несмѣтныя толпы народа. Съ неменьшею торжественностію совершено было 9 октября и самое погребеніе усопшаго протоіерея на кладбищѣ Большой Охты, гдѣ уже были погребены его жена, дочь и зять. На этомъ кладбищѣ и до сихъ поръ сохраняется фамильный

склепъ, окруженный чугунною рѣшоткою, и надъ нимъ два памятника съ соотвѣтствующими надписями.

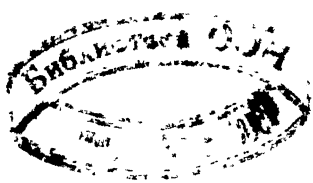
Государь Императоръ Александръ Павловичъ, не присутствовавшій на погребеніи бывшаго своего любимаго законоучителя, такъ-какъ въ это время онъ находился за-границей, оказалъ самое живое сочувствіе къ памяти усопшаго протоіерея Самборскаго. Едва узнавъ о кончинѣ своего духовнаго наставника, онъ немедленно же исполнилъ извѣстную его предсмертную просьбу касательно сиротъ. Отъ 12 фев. 1816 года князь Голицынъ писалъ дочери о. Самборскаго слѣдующее: „ По врученному мною письму покойнаго родителя Вашего къ Государю Императору, я имѣлъ счастіе докладывать. Его Величество, въ доказательство особеннаго вниманія къ долговременному и ревностному служенію сего почтеннаго старца, Всемилостивѣйше повелѣлъ: 1) обратить Вамъ, Милостивая Государыня моя, въ пожизненный пенсіонъ всю ту сумму, какая производилась родителю Вашему изъ Кабинета Его Величества, именно по 7,600 рублей въ годъ. 2) Занимаемыя имъ комнаты въ Михайловскомъ замкѣ оставить нынѣ за Вами. 3) Утварь церковную и образа послѣ покойной Государыни Великой Княгини Александры Павловны оставить въ достояніе Ваше; но какъ содержаніе домовой церкви Государь находитъ по разстроенному состоянію Вашему слишкомъ стѣснительнымъ, то обратить всю утварь и образа въ церковь вашей деревни (т. е. Стратилатовки), а прилагаемый при семъ наперсный крестъ, пожалованный родителю Вашему блаженной памяти императрицею Екатериною II утвердить, согласно желанію Вашему, на украшеніе дарохранительницы въ ту же церковь [1]). Что же касается до банковаго долга, Его Величество повелѣлъ войти въ разсмотрѣніе онаго министру финансовъ и доложить съ своимъ мнѣ-

[1]) Все это въ точности было исполнено дочерью Самборскаго.

Прот. А. Самборскій.

ніемъ“ [1]). Такъ, значитъ, была священна для императора Александра I послѣдняя воля бывшаго его законоучителя!

Современный хроникеръ, сообщая свѣдѣнія о протоіереѣ А. А. Самборскомъ, по поводу его кончины и погребенія, въ заключеніе своего сообщенія говоритъ: „Жизнь сего почтеннаго мужа, ознаменованная безпримѣрною дѣятельностію, трудолюбіемъ и усердіемъ къ общей пользѣ, останется незабвенною“ [2]).



---

[1]) Долгъ былъ прощенъ.

[2]) „Сѣверная почта“ 13 окт. 1815 г. № 82.